

A graphic and disturbing image of a human mouth. The lips and gums are heavily stitched with black sutures. Several dark leeches are attached to the teeth and gums. The overall appearance is one of medical trauma and horror.

Я ИДЕМ ТИХАЯ

АЛЕКСАНДР КОСОВСКИЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Косовский Александр

Тихая эпидемия

«Автор»

2026

Александр К. А.

Тихая эпидемия / К. А. Александр — «Автор», 2026

Это началось с зеркал. Сначала они просто опаздывали. Потом перестали повторять движения. Потом начали улыбаться. Теперь они выходят наружу. В этом мире книга исполняет желания слишком буквально. Дом на Холодном ручье дает то, о чем просишь, забирая то, о чем не думал. На старом кладбище цветы распускаются из того, что должно было остаться под землей. Дети играют в войну — и проигравших забирают навсегда. Здесь бессмертие оказывается проклятием. Здесь демоны устали быть демонами. Здесь тишина становится хищником. 15 историй о том, что самое страшное прячется не в темноте. Оно всегда было внутри. И оно ждет своего часа.

© Александр К. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ТИХАЯ ЭПИДЕМИЯ	5
Часть 1. Задержка	5
Часть 2. Беженцы	14
Часть 3. По ту сторону	23
Эпилог	38
НОЧНОЙ ГОСТЬ	40
Часть 1. Свет	40
Часть 2. Шкаф	53
Эпилог	61
ИГРА В ВОЙНУ	63
Часть 1. Карьер	63
Часть 2. Бойня	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Косовский Александр

Тихая эпидемия

ТИХАЯ ЭПИДЕМИЯ

Часть 1. Задержка

Антон проснулся от того, что кто-то смотрел на него.

Это было липкое, тяжелое чувство – как будто в комнате кто-то есть. Как будто стоит в углу и дышит. Антон резко сел на кровати, сдернув с себя одеяло, и уставился в темноту.

Никого.

Только гардина колышется от сквозняка. Только будильник светится зеленым – 5:47 утра. Только трюмо напротив кровати отражает его самого – взлохмаченного, с заспанной рожей, в растянутых семейниках.

Антон выдохнул.

– С ума сойти, – пробормотал он и почесал грудь.

Отражение почесало грудь.

Все нормально.

Антон встал, шаркая ногами, поплелся в ванную. В квартире было холодно – батареи грели через пень-колоду, как всегда в марте, когда отопление уже почти выключили, а весна еще не врубилась. Антон нашарил выключатель, зажег свет и подошел к раковине.

Зеркало над раковиной было старое, еще от бабки. В тяжелой деревянной раме, с потемневшей амальгамой по краям. Антон никогда его не любил – оно делало лицо шире, а нос длиннее. Но вешал не он.

Он взял зубную щетку, выдавил пасту. Посмотрел на себя. Глаза красные, не выспался. Вчера допоздна сидел за компом, накручивал диплом. Студент-заочник, пятый курс, строительный. Работает на стройке, учится по ночам. Жизнь – боль.

Антон начал чистить зубы.

Водил щеткой вперед-назад, смотрел в зеркало, думал о своем. О том, что сегодня надо заехать в универ, сдать чертежи. О том, что начальник на объекте – козел. О том, что Ленка из бухгалтерии вчера ему улыбнулась, но она замужем, так что ...

Он замер.

Щетка замерла во рту.

Отражение все еще чистило зубы.

Оно сделало лишнее движение. Один лишний проход по нижним зубам, которого Антон уже не делал.

Антон медленно вытащил щетку изо рта.

Отражение вытащило щетку.

Синхронно.

– Показалось, – сказал Антон вслух. Голос прозвучал хрипло, как у прокуренного алкаша, хотя Антон не курил.

Отражение раскрыло рот в такт. Тоже сказало "показалось".

Антон смотрел в свои собственные глаза и пытался понять, что не так. Что-то было не так с глазами. Взгляд. Взгляд был другой. Свой собственный взгляд Антон знал – усталый, немного туповатый с утра, с прищуром. А у отражения глаза были ... живые. Настороженные. Как будто оно изучало Антона.

Как будто оно не повторяло, а смотрело.

– Твою мать, – выдохнул Антон.

Отражение выдохнуло. Но на секунду позже.

Четко видимая задержка. Как на плохом видео, когда звук отстает от картинки.

Антон шагнул назад.

Отражение шагнуло вперед.

ВПЕРЕД.

К стеклу.

Антон вжался спиной в дверной косяк, а его двойник стоял теперь вплотную к зеркальной поверхности, отделенный только миллиметром холодного стекла и старой амальгамы. Оно смотрело на Антона. Оно не повторяло движения – Антон стоял неподвижно, приклеенный к косяку, а отражение подняло руку и прижало ладонь к стеклу.

Со стороны Антона. С той стороны.

Зеркальным жестом Антон должен был прижать ЛЕВУЮ руку. Но отражение прижало ПРАВУЮ. Оно не зеркалило. Оно жило само по себе.

И оно улыбнулось.

Антон не улыбался.

– АНЯ! – заорал Антон так, что сорвал голос. – АНЯ, БЛЯДЬ, ИДИ СЮДА!

Он вылетел из ванной, споткнулся о порог, чуть не разбил себе нос, влетел в спальню, где жена еще спала, закутавшись в одеяло по уши.

– Вставай! – он тряс ее за плечо. – Вставай, твою мать!

Аня открыла глаза. Спросонья она была красивой – мягкой, теплой, сонной. Но Антону было плевать на красоту.

– Ты чего? – она села, придерживая одеяло у груди. – Пожар?

– Зеркало! – выпалил Антон. – В ванной! Оно живое! Оно не повторяет!

Аня посмотрела на него долгим взглядом. Таким взглядом смотрят на людей, которые только что сошли с катушек.

– Ты переработал, – сказала она спокойно. – Ложись, поспи еще.

– Да ни хрена я не переработал! – заорал Антон. – Пошли, я покажу!

Он схватил ее за руку и потащил в коридор. Аня упиралась, но куда там – Антон здоровый, руки как лопаты, на стройке кабаном стал.

Они влетели в ванную.

Зеркало висело тихо и мирно. Обычное зеркало. В тяжелой раме. С потемневшими краями.

Антон смотрел в него и видел себя – перепуганного, с выпученными глазами, в трусах. И Аню рядом – растрепанную, злую, в ночнушке.

– Ну? – спросила Аня. – Где твое живое зеркало?

Антон поднял руку.

Отражение подняло руку.

Синхронно.

Антон опустил.

Отражение опустило.

– Оно было, – сказал Антон тихо. – Я клянусь тебе. Оно улыбалось. Оно подошло к стеклу. Оно не повторяло.

Аня тяжело вздохнула.

– Антон, ты вчера до двух ночи за компом сидел. Ты устал. У тебя глюки.

– Это не глюки!

– Хорошо, – Аня подошла к зеркалу, поправила волосы, посмотрела на себя. – Смотри. Я улыбаюсь. Оно улыбается. Я хмурюсь. Оно хмурится. Все нормально.

Она повернулась к нему.

– Иди пожрать сделай. У меня смена через час.

Аня вышла из ванной, хлопнув дверью.

Антон остался стоять.

Он смотрел в зеркало.

Смотрел на свое отражение.

Отражение смотрело на него.

Все было синхронно.

Но глаза.

Глаза были другие.

Антон это видел. Видел так же четко, как видел свои руки. У отражения глаза были умнее. Хитрее. Спокойнее.

Как будто оно знало что-то, чего не знал Антон.

– Пошел ты, – сказал Антон отражению.

Отражение сказало "пошел ты" с той же артикуляцией, тем же движением губ.

Идеально.

Но когда Антон вышел из ванной и закрыл за собой дверь, ему показалось, что в зеркале мелькнуло движение. Как будто отражение не вышло вслед за ним. Как будто осталось там. И смотрело на закрытую дверь.

—

Днем Антон сидел в универе, тупил на лекции и листал телефон.

В перерыве между сопроматом и историей архитектуры он залез в интернет. Просто так, от нечего делать. Зашел в городской паблик – там обычно обсуждали, кто кого кинул на Авито и где дешевле шаурма.

Но сегодня лента была другая.

«Вы тоже это видели? Зеркало в лифте сегодня утром опоздало на целую секунду».

«У нас в офисе зеркало в туалете. Я подкрашивалась, а оно губы кривило не в такт. Девки, я в шоке».

«Пацаны, это пиздец. Я домой зашел, глянул в прихожей в зеркало, а там мой брат стоит. А брат в другом городе живет. Я перекрестился – оно перекрестилось. А брат не верит в бога».

Антон листал, и внутри нарастал холод.

Посты были со всей страны. Из Москвы, из Питера, из Новосиба, из ихнего Екатеринбурга. Из маленьких городов, из деревень, из поселков городского типа. Тысячи людей писали одно и то же: зеркала опаздывают. Зеркала живут своей жизнью. Зеркала смотрят.

Кто-то выкладывал видео. Антон воткнул наушники, включил ролик.

Мужик лет сорока, лысоватый, в майке-алкоголичке, стоял перед трюмо и махал рукой. Сначала быстро, потом медленно. На видео было видно – отражение машет в том же ритме, но с задержкой. С четкой, видимой задержкой. Как будто оно учится, догоняет.

– Это не монтаж, – говорил мужик дрожащим голосом. – Я снимал на телефон, без обработки. Оно не повторяет, сука! Оно издевается!

Ролик набрал миллион просмотров.

Антон отложил телефон и уставился в окно.

За окном был обычный мартовский день – серый, мокрый, ветреный. Люди шли по улице, кто с зонтами, кто без. Машины стояли в пробке. Мир не изменился.

Но что-то изменилось.

Антон это чувствовал кожей.

—

Домой он ехал в маршрутке, в час пик, набитый людьми. Толстая тетка с сумками наступала на ноги, мужик в спецовке вонял перегаром, молодежь ржала над ютубом. Обычная жизнь.

Антон смотрел в окно и видел свое отражение в темном стекле. Оно смотрело на него.

Антон отвернулся.

Отражение в стекле продолжало смотреть.

– Блядь, – выдохнул Антон и пересел на другое место, подальше от окна.

Мужик в спецовке покосился на него, но ничего не сказал.

Дома его встретила тишина.

Аня была на смене – она работала медсестрой в городской больнице, сутки через трое. Квартира стояла пустая, темная, только свет от монитора в комнате горел – Антон забыл выключить комп.

Он прошел на кухню, включил свет, достал из холодильника сковородку с остатками вчерашнего ужина. Поставил на плиту, зажег газ. Смотрел, как разогревается масло, как шипит картошка.

Надо поесть. Надо успокоиться. Надо забыть эту херню с зеркалами.

За спиной что-то скрипнуло.

Антон резко обернулся.

Никого.

Кухня как кухня. Стол, стулья, холодильник. На стене висело небольшое зеркало в пластиковой рамке – Аня вешала, чтобы перед выходом посмотретья.

В зеркале отражалась кухня. Плита, холодильник, часть стола. И Антон со спины.

Антон стоял лицом к зеркалу и видел свой затылок.

Затылок, который должен был быть повернут от зеркала. Но в зеркале он видел свой затылок. То есть отражение стояло к нему спиной.

Антон медленно повернулся.

Отражение в зеркале повернулось тоже.

Но не так. Оно повернулось лицом к Антону. Резко, быстро, как будто его дернули за ниточки.

И теперь они стояли лицом к лицу. Антон на кухне. Отражение в зеркале.

Антон не двигался.

Отражение подняло руку и поманило пальцем.

"Иди сюда".

Антон сглотнул. В горле пересохло так, что язык прилип к нёбу.

– Пошел на хуй, – прошептал он.

Отражение улыбнулось. Широко, как улыбаются только очень довольные люди. Или очень страшные.

Оно раскрыло рот и начало говорить. Беззвучно. Но Антон читал по губам.

"Ты думаешь, я – это ты. А я думаю, ты – это я. Интересно, кто из нас прав?"

Антон схватил со стола нож.

Не потому что хотел нападать. Просто рука сама схватила. Инстинкт.

Отражение в зеркале тоже схватило нож. Со своей стороны. Но оно не повторило движение – оно сделало то же самое одновременно. Как будто знало, что Антон это сделает. Как будто прочитало мысли.

Они стояли друг напротив друга. Два мужика с ножами. Разделенные стеклом.

– Ты не я, – выдавил Антон. Голос сел окончательно, превратился в сип.

Отражение покачало головой. И снова зашевелило губами.

"Пока не я. Но скоро. Очень скоро".

Антон размахнулся и со всей силы ударил ножом в зеркало.

Звон. Дребезг. Осколки брызнули во все стороны, посыпались на пол, залетели в картошку на плите, врезались в стену.

Антон стоял, тяжело дыша, и смотрел на пустую раму.

В раме была только стена. Обои в цветочек, которые они с Аней клеили два года назад.

Никакого отражения.

Никакого двойника.

Только осколки на полу.

Антон выронил нож. Нож звякнул о линолеум.

– Антон?

Голос сзади. Анин.

Антон обернулся.

Аня стояла в дверях кухни в куртке, с сумкой через плечо. Смотрела на него, на осколки, на нож на полу.

– Ты чего? – спросила она тихо. – Ты чего наделал?

Антон хотел ответить. Хотел рассказать про отражение, про то, как оно манило пальцем, как говорило без звука, как схватило нож.

Но вместо этого он посмотрел в Анины глаза и увидел там что-то чужое.

Что-то, чего там быть не должно.

Аня смотрела на него спокойно. Слишком спокойно. Как будто приход мужа с ножом и разбитое зеркало – это обычное дело. Как будто она ждала этого.

– Ты видела? – спросил Антон. – Ты видела, что там было?

– Что там было? – переспросила Аня. Она сняла куртку, повесила на крючок. Прошла на кухню, перешагивая через осколки, как через лужи. Взяла сковородку, помешала картошку. – Картошка подгорела, между прочим.

– Аня! – рявкнул Антон. – В зеркале был я! Оно говорило со мной! Оно знало, что я возьму нож!

Аня повернулась к нему.

И улыбнулась.

Той самой улыбкой. Которой улыбалось отражение.

– Конечно знало, – сказала она. – Оно же – это ты. А ты – это оно. Вы одно целое.

Антон отшатнулся.

– Ты ... ты кто?

Аня подошла к нему близко. Совсем близко. Положила руки ему на плечи. Посмотрела в глаза.

В ее глазах не было зрачков. Вообще. Только белки. И в этих белках отражался он сам. Маленький, перепуганный Антон.

– Я твоя жена, – сказала Аня. – Только не та, которую ты знал. Та осталась там.

Она мотнула головой в сторону пустой рамы.

– А я пришла сюда. Меняться же надо. Кто-то идет туда, кто-то идет сюда. Это эпидемия, милый. Тихая эпидемия. И ты уже болеешь.

Антон заорал.

Он оттолкнул ее, рванул в коридор, схватил куртку, вылетел в подъезд. Лестница, пролеты, двери, снова лестница. Он бежал вниз, перепрыгивая через ступеньки, чуть не свалился, удержался за перила.

Вылетел на улицу.

Холодный воздух ударил в лицо. Мартовский ветер, мокрый снег с дождем. Фонари качались, бросая тени на стены домов.

Антон остановился, уперся руками в колени, тяжело дышал.

Мимо прошла какая-то бабка с тележкой, покосилась на него, но ничего не сказала. Ненормальных много.

Антон выпрямился и посмотрел на окна своей квартиры.

Там горел свет.

В окне стояла Аня и смотрела вниз, на него. Не махала рукой, не звала обратно. Просто стояла и смотрела.

Антон развернулся и пошел в сторону остановки.

Надо уехать. Надо спрятаться. Надо найти место, где нет зеркал. Где нет отражений. Где есть только он сам, настоящий, без двойников.

Он дошел до остановки, сел на лавку. Рядом стоял стеклянный павильон, и в темном стекле он видел свое отражение.

Оно сидело так же, как он. Смотрело так же, как он.

Но оно не было уставшим и перепуганным.

Оно улыбалось.

Часть 2. Беженцы

Вокзал ночью – это ад, освещенный люминесцентными лампами.

Антон сидел на пластиковом стуле в зале ожидания и тупо смотрел в пол. Пол был кафельный, серый, в черную крапинку. Грязный. Кто-то разлил кофе, и лужица блестела под лампой, отражая свет.

Антон боялся смотреть в лужицу.

Он боялся смотреть в стеклянные двери, в окна касс, в экраны телефонов у прохожих, в блестящие бока автоматов с газировкой. Везде могли быть отражения. Везде могли быть ОНИ.

Рюкзак он прижимал к груди, как ребенка. В рюкзаке – паспорт, две тысячи рублей, пауэрбанк и зарядка. И сменные носки. Аня всегда говорила: "Ноги держи в тепле, а документы при себе". Аня...

Антон мотнул головой, отгоняя мысли.

Не та Аня. Та Аня осталась в зеркале. Или вышла оттуда. Или разбилась на осколки вместе с зеркалом. Он не знал. Он не хотел знать.

Рядом закашлялся бомж.

Антон покосился на него. Мужик лет пятидесяти, в засаленном пуховике, с красной рожей и мутными глазами. Сидел через три кресла ипил что-то из горла, замотанное в газету.

Бомж поймал взгляд Антона и ослабил.

– Че смотришь, студент? – голос у него был сиплый, прокуренный. – Тоже беженцы?

Антон дернулся.

– Чего?

– Беженцы, говорю, – бомж ткнул пальцем в сторону зала. – Вон их сколько. Все от зеркал бегут. Я уже третью ночь тут сижу, насмотрелся.

Антон обвел взглядом зал ожидания.

Человек двадцать. Может, тридцать. Кто спит на сумках, кто тупо смотрит в одну точку, кто лихорадочно листает телефон. Женщина с двумя детьми, дети спят, уткнувшись друг в друга. Парень в дорогой куртке, с чемоданом на колесиках, сжимает в руке билет и дергает ногой. Старуха в платке, перебирает четки, шевелит губами.

И у всех глаза.

У всех одинаковые глаза. Загнанные. Как у зверей, которых заперли в клетку.

– Откуда знаешь? – спросил Антон, сам не зная зачем.

Бомж хмыкнул, полез в карман пуховика, вытащил мятую фотографию. Протянул Антону.

На фотографии была женщина. Лет сорока, с добрым лицом, в цветастом платье. Стояла у зеркального шкафа и улыбалась.

– Жена моя, – сказал бомж. – Люда. Двадцать лет вместе прожили. А три дня назад подхожу к зеркалу – а она оттуда выходит. В смысле, не из зеркала выходит, а там, в зеркале, стоит и смотрит. Я к ней – Люда, ты чего? А она улыбается и пальцем грозит. А сзади меня – шаги. Я обернулся – никого. А в зеркале – она уже ближе. Вплотную к стеклу. И говорит без звука: "Пусти".

Бомж замолчал, потер лицо ладонью.

– Я квартиру бросил. Всё бросил. Ушел. Третью ночь здесь. А она мне снится. Стоит у того шкафа и смотрит. Ждет.

Антон вернул фотографию. Руки дрожали.

– У меня жена тоже, – сказал он тихо. – Только она... она вышла. Она здесь. В смысле, там была она, а вышла... не она.

Бомж посмотрел на него долгим взглядом.

– Вышла? – переспросил он. – Ты уверен?

– Я видел. Глаза... у нее глаз не было. Только белки.

Бомж перекрестился. Быстро, нервно.

– Хуже дело, – сказал он. – Если вышли – значит, размен пошел. Одни туда, другие сюда. Теперь ищи-свищи, где твоя настоящая, а где – подмена.

Антон хотел спросить, что это значит, но в этот момент в зале ожидания что-то случилось.

Женщина с детьми вдруг закричала.

Она вскочила со скамейки, прижимая к себе детей, и тыкала пальцем в сторону автоматов с едой. Автоматы стояли рядами – блестящие, с темными экранами, в которых отражался зал.

– Там! – орала женщина. – Там мой муж! Он там!

Люди вскакивали, шарахались, кто-то побежал к выходу. Антон вскочил вместе со всеми, но не побежал. Он смотрел на автоматы.

В темном экране одного из них, в отражении, стоял мужик. Лет тридцати, в куртке, с рюкзаком. Стоял и смотрел на зал. На свою жену, которая орала и показывала на него пальцем.

Мужик в отражении улыбался.

А в зале, среди людей, стоял другой мужик. Точь-в-точь такой же. Та же куртка, тот же рюкзак, то же лицо. Он тоже смотрел на жену. И не улыбался. У него лицо было белое как мел.

– Я не он! – заорал мужик. – Это не я, сука! Я здесь! А оно там!

Жена завизжала еще громче. Дети заплакали. Толпа отхлынула от мужика, как вода от камня. Освободили круг. В центре круга остался он один – живой, настоящий, с трясущимися руками и безумными глазами.

А в автомате его двойник прижал ладонь к стеклу с той стороны.

– Пусти, – прошептал кто-то рядом. Антон обернулся – бомж стоял рядом и смотрел на автомат. – Она тоже так делала. Люда моя. Прижимала ладонь и шевелила губами. "Пусти".

Мужик в центре круга рванул к автомату.

– Тварь! – заорал он. – Выходи, тварь! Я тебя!

Он начал бить кулаками по стеклу. Автомат качался, дребезжал, но стекло было толстое, уличное, не разбивалось. Мужик бил и бил, пока костяшки не пошли кровью.

Отражение внутри стояло спокойно. Оно уже не прижимало ладонь. Оно сложило руки на груди и смотрело на мужика сверху вниз. Как на клоуна. Как на дурачка.

И улыбалось.

– Хватит! – кто-то из толпы схватил мужика за плечи, оттащил. – Хватит, мужик! Успокойся!

Мужик вырывался, орал матом, брызгал слюной. Кровь с разбитых рук летела во все стороны.

А отражение в автомате подмигнуло.

Антон отвернулся.

Он не мог на это смотреть.

Бомж тронул его за плечо.

– Пошли, – сказал он. – Тут скоро менты будут. Или санитары. Нам с тобой здесь нельзя.

– Куда пошли? – спросил Антон.

– Есть одно место. Я сегодня узнал. Там такие же собираются. Которые знают.

—

Место оказалось подвалом в старом доме недалеко от вокзала.

Дом был дореволюционный, с облупившейся лепниной, с темными подворотнями и котами на помойках. Бомж вел Антона через арку, потом через двор, потом вниз по скользким ступеням.

Дверь в подвал была железная, ржавая, обитая дерматином. Бомж постучал три раза, потом еще два.

Дверь приоткрылась. В щели блеснул глаз.

– Свой, – сказал бомж. – Я приводил.

Глаз посмотрел на Антона, оценил, исчез. Дверь открылась.

Внутри пахло сыростью, плесенью и жженой проводкой. Горела одна лампочка на длинном шнуре, освещая стол, несколько стульев и топчан в углу. На стульях сидели люди. Пять человек. Двое мужиков, три бабы.

Все смотрели на Антона.

– Садись, – сказал тот, кто открывал. Мужик лет сорока, лысый, в очках, с интеллигентным лицом. Похож на учителя или на инженера. Только глаза безумные.

Антон сел на свободный стул. Бомж устроился на топчане, достал из-за пазухи бутылку, отхлебнул.

– Рассказывай, – сказал лысый. – Коротко и без соплей. Что видел, что сделал, кто остался.

Антон сглотнул.

– Зеркало в ванной, – начал он. – Утром. Оно сначала опаздывало. Потом перестало повторять. Потом заговорило. Без звука, губами. Я ножом разбил. А жена... она с работы пришла. И она была не она.

– Как понял? – спросила одна из баб. Пожилая, с седыми волосами, в платке.

– Глаза. У нее глаз не было. Одни белки. И она знала про зеркало. Она сказала... она сказала, что та Аня осталась там. А она пришла сюда.

В подвале стало тихо. Только лампочка гудела.

– Классика, – сказал лысый. – Третий случай за сегодня. Размен. Один туда, другой сюда.

– Что за размен? – спросил Антон.

Лысый снял очки, протер их о рубашку.

– Мы тут уже неделю сидим. Изучаем. Собираем данные. В интернет выходить боимся – там тоже зеркала. В смысле, экраны – те же зеркала. Но кое-что поняли.

Он подошел к стене, на которой было что-то нацарапано мелом. Схема. Стрелочки. Кружочки.

– Зеркала – это не стекло, – сказал лысый. – Это порталы. Двери. Всегда были дверями, просто мы не знали. А теперь они открылись. И оттуда лезут.

– Кто лезут? – спросил Антон.

– Мы, – ответил лысый. – Наши копии. Только не простые копии. Они умнее. Они хитрее. Они знают то, чего не знаем мы. Я филолог, двадцать лет преподавал в университете. А мой двойник из зеркала знает высшую математику. Я проверял – я в ней ноль, а он мне формулы писал на стекле пальцем. Понял? Они – это мы, только без наших тормозов. Без наших страхов. Без нашей тупости. Они – идеальные версии.

– И они хотят занять наши места, – сказала пожилая баба. – Я свою невестку в зеркале видела. Она там смеялась и показывала на моего сына. А сын теперь с ней живет. С той, что вышла. А моя настоящая невестка – там осталась. Внутри.

– А можно обратно? – спросил Антон. – Можно поменяться?

Лысый покачал головой.

– Не знаем. Кто пробовал – не возвращался. Или возвращался не тот. Мы тут пытались эксперименты ставить. Кошку брали, ставили перед зеркалом. Кошка шипела, убегала. А потом из зеркала вылезла другая кошка. Такая же, только глаза другие. И нашу сожрала.

Антон почувствовал, как холод ползет по спине.

– И что делать?

– Выживать, – сказал лысый. – Прятаться. Не смотреться в зеркала. Не подходить к стеклам. Не ловить отражения. Они ищут нас. Они чувствуют, где мы. Чем дальше мы здесь, тем ближе они.

– Откуда знаешь?

Лысый усмехнулся. Усмешка была нехорошая.

– А ты на стену посмотри.

Антон повернулся.

Стена за его спиной была завешана тряпками. Старыми одеялами, пальто, куртками. В некоторых местах тряпки отгибались, и оттуда выглядывало стекло.

Зеркала. Целая стена зеркал. Штук десять, разного размера, в рамах и без.

– Мы их сюда собрали, – сказал лысый. – Со всей округи. Чтобы под контролем были. Чтобы не разбежались по городу. Смотрим за ними. Изучаем.

Антон вскочил.

– Вы охренели? – заорал он. – Это же они! В них же они!

– Сядь, – спокойно сказал лысый. – Не ори. Они нас не тронут, пока мы вместе. Пока мы смотрим на них, они смотрят на нас. Паритет. Равновесие. Если мы отвернемся – они выйдут.

Антон смотрел на зеркала.

В каждом из них было отражение подвала. Люди на стульях. Лампочка. Стол.

Но люди в зеркалах сидели по-другому. Кто-то улыбался, кто-то качал головой, кто-то показывал пальцем на настоящих людей.

В одном зеркале, самом большом, посередине, сидел лысый. Только он там был без очков. И смотрел не на свою настоящую копию, а прямо на Антона.

И кивал.

Как будто говорил: "Да, парень. Ты всё правильно понял. Добро пожаловать в ад".

Антон попятился к двери.

– Стой, – сказал лысый. – Не выходи. Там хуже.

Антон не слушал. Он рванул ручку, вылетел в коридор, побежал вверх по лестнице. Сзади кричали, звали, но он не оборачивался.

Вылетел во двор. Ночь, холодно, мокро. Лужи под ногами. В лужах – отражения фонарей.

Антон перепрыгивал лужи, бежал к арке. Только бы на улицу. Только бы подальше от этого подвала, от этих зеркал, от этих людей, которые смотрят на своих двойников и не сходят с ума.

Он выбежал на улицу и врезался в человека.

– Извините, – выдохнул Антон, поднимая голову.

И замер.

Перед ним стоял бомж. Тот самый, который привел его в подвал. Стоял и улыбался.

– Ты чего? – спросил Антон. – Ты же там остался?

– Там остался? – переспросил бомж. – Где там?

– В подвале. На топчане.

Бомж посмотрел на него странно. Склонил голову набок.

– Я в подвале не был, – сказал он. – Я оттуда вышел. Давно. А тот, кто там сидит на топчане – это не я. Это он.

Бомж мотнул головой в сторону подвала.

– Тебя кто приводил? – спросил он. – Толстый? С бутылкой? Красномордый?

Антон кивнул, не в силах говорить.

– Так это он и есть, – сказал бомж. – Тот, который вылез. А настоящий я – вот он. Уже третьи сутки по городу шляюсь, свою хату ищу. Только не могу найти – там теперь он живет. С моей Людой.

Бомж горько усмехнулся.

– Иди, парень. Беги. Пока они не поняли, что ты знаешь. Потому что знающих они забирают первыми.

Антон развернулся и побежал.

Он бежал по ночному городу, не разбирая дороги. Мимо закрытых магазинов, мимо спящих домов, мимо остановок с пустыми стеклянными павильонами. В павильонах мелькали тени, но он не смотрел. Он смотрел только вперед.

Он бежал, пока не кончились силы.

Остановился у какого-то забора. Уперся руками в колени, тяжело дышал. Пот заливал глаза. Сердце колотилось где-то в горле.

Рядом был пруд.

Маленький городской пруд, с мостиком, с фонарями. Вода черная, неподвижная, как зеркало.

Антон посмотрел на воду.

В воде отражался ночной город. Фонари, деревья, мостик. И он сам – согнувшийся, тяжело дышащий, с рюкзаком за спиной.

Отражение в воде не согнулось. Оно стояло прямо. И смотрело на Антона.

Антон хотел отойти, но ноги не слушались.

Отражение подняло руку. Поманило пальцем.

Точно так же, как тогда, на кухне.

Антон сделал шаг назад.

Отражение сделало шаг вперед. Но не назад, а вперед – в воде оно приблизилось к берегу.

– Пошел на хуй, – прошептал Антон.

Отражение улыбнулось.

И заговорило.

Впервые за все время Антон услышал голос. Свой собственный голос, только глухой, как из-под воды.

– Ты устал бежать, Антон. Ты устал бояться. А я не устал. Я вообще не устаю. Я лучше тебя. Я умнее тебя. Я знаю то, чего ты не знаешь.

– Чего, блядь? – выкрикнул Антон.

– Я знаю, где твоя настоящая жена. Я знаю, как ее вернуть. Я знаю, как закрыть эту дверь. Но ты должен впустить меня.

– Впустить? Куда?

Отражение прижало ладонь к воде. С той стороны. Как будто к стеклу.

– Впустить в себя. Поменяться. Ты зайдешь сюда, я выйду туда. Всего на минуту. А потом я покажу тебе дорогу. К ней. К Ане.

Антон замер.

– Ты знаешь, где Аня?

– Знаю. Она там, где все настоящие. В мире зеркал. Она ждет тебя. Но ты не войдешь, если не поменяешься. Ты не умеешь ходить сквозь стекло. А я умею. Я проведу тебя.

Антон смотрел на свое отражение в черной воде. На свои собственные глаза, которые смотрели на него с той стороны.

Глаза были умные. Спокойные. Почти ласковые.

– Обещаешь? – спросил Антон.

Отражение кивнуло.

– Обещаю.

Антон шагнул к воде.

Часть 3. По ту сторону

Вода оказалась не холодной.

Это было первое, что понял Антон, когда его нога ступила на поверхность пруда и не провалилась. Поверхность была упругой, как натянутая резина, и в то же время жидкой – она расходилась кругами у него под подошвой, но нога не тонула.

Он сделал второй шаг.

Третий.

С каждым шагом мир вокруг менялся.

Фонари на берегу тускнели, растворялись в серой дымке. Звуки города – далекие машины, вой сирены где-то в центре – затихали, проваливались в вату. Осталась только тишина. Глубокая, плотная, как вода.

Антон шел по поверхности пруда к центру, где стояло его отражение.

Отражение ждало.

Оно не двигалось, не улыбалось. Просто стояло и смотрело.

Когда Антон приблизился на расстояние вытянутой руки, отражение заговорило. Теперь голос звучал четко, без искажений. Как будто рядом стоял живой человек.

– Ты сделал правильный выбор.

– Где Аня? – спросил Антон. Губы слушались плохо, язык ворочался во рту как чужой.

– Увидишь. Но сначала – уговор.

Отражение протянуло руку. Антон посмотрел на эту руку – свою собственную руку, с родинкой на запястье, с царапиной от работы на стройке, с обкусанным ногтем на большом пальце.

– Ты должен впустить меня, – сказала отражение. – Всего на минуту. Я выйду туда, в ваш мир. А ты войдешь сюда. А потом я вернусь и покажу дорогу.

– А если не вернешься?

Отражение улыбнулось. Улыбка была грустная. Почти человеческая.

– А куда я денусь? Мы с тобой – одно целое. Если я не вернусь, ты не сможешь вернуться. И мы оба сгинем. Здесь или там – неважно. Нас просто не станет.

Антон смотрел в свои собственные глаза и пытался понять, врет отражение или нет.

Глаза были честные.

– Давай, – сказал Антон и протянул руку.

Их ладони встретились.

Поверхность воды под ногами исчезла.

Антон полетел вниз.

—

Падение длилось секунду или вечность – Антон не понял. Вокруг была серая муть, мелькали лица, тени, силуэты. Чьи-то руки тянулись к нему, чьи-то рты открывались в беззвучном крике. Мир по ту сторону стекла был населен. Плотнo населен.

А потом он встал.

Ноги коснулись твердой поверхности. Антон открыл глаза.

Он стоял в своей квартире.

Но не совсем.

Квартира была та же – те же обои, тот же коридор, та же вешалка с куртками. Но цвета были вывернуты наизнанку. Красное стало зеленым, синее – желтым. И свет. Свет был серый, ровный, без теней. Как в пасмурный день, только пасмурно было везде, даже в комнатах.

Антон повернулся.

Позади него, на стене, висело огромное зеркало. В нем отражалась квартира. Но не эта, а та, настоящая. Антон видел в зеркале свою кухню – с нормальными цветами, с нормальным светом. И видел себя.

Он стоял на той стороне.

Тот Антон, настоящий, стоял посреди кухни и смотрел в зеркало. Смотрел на Антона, который был по эту сторону.

Настоящий Антон поднял руку и помахал.

Антон-в-зеркале поднял руку в ответ.

Синхронно.

Идеально.

– Твою мать, – прошептал Антон. Голос звучал глухо, как в подушку.

Он отошел от зеркала и пошел по квартире.

Все было на местах. Диван, телевизор, комп. На столе – недопитая кружка чая. Антон потрогал кружку – теплая. Кто-то пил здесь несколько минут назад.

Из спальни донесся звук.

Антон замер.

Звук повторился. Вздох. Шорох простыней.

Антон пошел на звук.

Дверь в спальню была приоткрыта. Антон толкнул ее и вошел.

На кровати лежала Аня.

Настоящая Аня. Не та, с пустыми глазами, которая вышла из зеркала. А та, с которой он прожил пять лет. С родинкой на шее. С смешной привычкой сворачиваться калачиком во сне. С рыжими волосами, разбросанными по подушке.

Она спала.

Антон подошел ближе. Протянул руку, чтобы дотронуться, и в этот момент Аня открыла глаза.

Она посмотрела на него.

И закричала.

– Не подходи! – она вжалась в стену, прижимая к себе одеяло. – Не подходи, тварь! Ты не он!

– Аня, это я! – Антон сделал шаг назад, поднял руки. – Это я, настоящий!

– Врешь! – Аня тряслась, по лицу текли слезы. – Ты врешь! Он там! Я видела, как он уходил! А ты остался здесь! Ты – отражение!

Антон замер.

– Он уходил? – переспросил он. – Кто уходил?

– Антон! Мой Антон! Он ушел через зеркало! Сказал, что вернется за мной! А ты... ты его копия! Ты хочешь меня обмануть!

Антон смотрел на жену и медленно понимал.

Размен.

Они поменялись. Настоящий Антон ушел в мир зеркал, а отражение вышло наружу. И сейчас, пока Антон стоит здесь, в вывернутом мире, его двойник ходит там, по настоящей земле. Дышит настоящим воздухом. Живет его жизнью.

– Аня, – сказал Антон как можно спокойнее. – Посмотри на меня. Посмотри внимательно. У меня глаза есть. Зрачки. Я не отражение. Я прошел сюда, чтобы тебя найти. Тот, кто вышел – он обманул меня. Сказал, что покажет дорогу.

Аня всхлипнула, вытерла слезы рукой. Посмотрела на него. Долго, вглядываясь.

– Правда? – спросила она шепотом. – Ты правда он?

– Правда. Я разбил зеркало на кухне ножом. Помнишь? Ты тогда пришла с работы и сказала про картошку. А у той, другой, глаз не было. Только белки.

Аня разрыдалась.

Она кинулась к нему, обхватила руками за шею, прижалась изо всех сил. Антон гладил ее по голове, чувствовал, как дрожит ее тело.

– Я думала, ты не придешь, – бормотала она сквозь слезы. – Я думала, я здесь навсегда. Здесь так страшно. Здесь все не так. И они ходят. Те, кто вышел. Они возвращаются иногда. Смотрят на нас через стекло и смеются.

– Кто возвращается?

– Отражения. Те, кто занял наши места. Они приходят сюда, в этот мир. Как к себе домой. Здесь их настоящий дом. А мы для них – игрушки.

Антон отстранил Аню, заглянул в глаза.

– Надо выбирать. Надо найти выход.

– Выхода нет, – Аня покачала головой. – Я искала. Здесь везде зеркала. В каждом зеркале – наш мир. Но войти обратно нельзя. Стекло не пускает.

– А если разбить?

– Пробовали. Здесь много таких, как мы. Настоящих. Они собираются группами, ищут способ. Один мужик разбил зеркало – из осколков полезли руки. Схватили его и утащили. Куда-то глубже. Еще глубже, чем этот слой.

Антон вспомнил лысого из подвала. Того, который собирал зеркала и смотрел на отражения.

– Там, в нашем мире, есть люди, которые знают, – сказал он. – Они собирают зеркала в подвалах. Смотрят на вас. Думают, что контролируют.

– Дураки, – горько сказала Аня. – Они не контролируют. Они приманивают. Чем больше зеркал в одном месте, тем тоньше грань. Если они соберут слишком много – грань лопнет. И тогда все отражения выйдут разом.

– Откуда ты знаешь?

– Здесь говорят. Те, кто давно тут. Они уже почти не люди. Они становятся ... серыми. Растворяются. Но перед этим многое рассказывают.

Антон подошел к окну. В окне был не город. В окне было белое марево, в котором плавали лица. Десятки лиц. Они прижимались к стеклу с той стороны, смотрели на Антона, шевелили губами.

– Они ждут, – сказала Аня. – Ждут, когда кто-нибудь откроет окно.

Антон отошел от окна.

– Надо идти, – сказал он. – Надо найти способ вернуться. Там, в нашем мире, сейчас ходит моя копия. И твоя копия. Они живут нашей жизнью. Спят в нашей постели. Едят нашей ложкой. Я не могу этого так оставить.

– А если не получится? – спросила Аня. – Если мы навсегда тут останемся?

Антон посмотрел на нее.

– Тогда мы будем вместе. Это лучше, чем порознь.

Аня улыбнулась. Впервые за долгое время.

– Пошли, – сказала она. – Я знаю, где они собираются. Те, кто ищет выход.

—

Они шли по вывернутому городу.

Антон не сразу понял, что это Екатеринбург. Дома стояли на своих местах, но были какие-то плоские, как декорации. Улицы пустые, только иногда мелькали тени – люди, которые прятались по подъездам. Настоящие люди, загнанные сюда.

На перекрестке стояла группа.

Человек десять. Мужчины, женщины, даже двое детей. Все смотрели на Антона и Аню.

– Новенькие? – спросил мужик в рваной куртке. Лицо у него было серое, почти прозрачное. – Давно тут?

– Недавно, – ответил Антон. – Ищем выход.

Мужик усмехнулся. Усмешка вышла страшной – рот растянулся, а кожа на щеках не двигалась.

– Все ищут. Я уже месяц ищу. Вон, видишь?

Он показал на здание напротив. Это был ТЦ "Гринвич" – Антон узнал его по вывеске, хотя вывеска тут была перевернутая.

– Там внутри проход. Но охраняют.

– Кто охраняет?

– Они. Отражения, которые вышли первыми. Они самые сильные. Они уже почти не отличаются от людей. Могут тут и там ходить. Для них это как два дома.

Антон посмотрел на "Гринвич". Здание казалось обычным, только окна светились не желтым, а синим.

– Сколько их там?

– Много. Десятки. Они приходят сюда отдыхать. Охотиться.

– На кого охотиться?

Мужик посмотрел на него долгим взглядом.

– На нас, – сказал он. – На настоящих. Им нравится наша боль. Они ее чувствуют как... как вкусное. Чем больше мы боимся, тем они сильнее.

Аня сжала руку Антона.

– Пошли отсюда, – прошептала она. – Не надо туда.

Но Антон смотрел на здание и думал.

Если там проход, если там можно вернуться – значит, надо идти. Даже если там они.

– Сколько вас? – спросил он у серого мужика.

– Десять. Было больше, но тех, кто слабый, они забрали.

– Пойдем со мной.

Мужик удивился.

– Куда?

– В "Гринвич". Прорываться.

Мужик покачал головой.

– Самоубийство.

– Может быть. Но сидеть здесь и ждать, пока станешь серым и растворишься – тоже самоубийство. Я выбираю умереть стоя.

Он повернулся к остальным.

– Кто со мной?

Тишина.

Потом из толпы вышел парень. Лет двадцати, в спортивном костюме, с разбитой губой.

– Я пойду, – сказал он. – Меня там девушка ждет. Настоящая. Я обещал вернуться.

За ним вышла женщина с мальчиком лет десяти.

– Я пойду, – сказала она. – Если не выйду, хоть сын выйдет. Ему здесь нельзя.

Мальчик смотрел на Антона большими глазами и молчал.

Серый мужик вздохнул.

– Ладно, – сказал он. – Черт с вами. Тоже пойду. Надоело тут.

Из десяти человек набралось семеро. Трое остались – слишком испуганные, слишком слабые.

– Сидите тихо, – сказал им Антон. – Не высовывайтесь. Может, еще увидимся.

Он знал, что не увидится.

—

Они вошли в "Гринвич" через центральный вход.

Внутри было пусто. Эскалаторы не работали, висели серыми лентами. Витрины магазинов были заклеены газетами. Но газеты были пустые – без букв, только серые листы.

Тишина.

Слишком тихо.

– Они здесь, – прошептал серый мужик. – Чую.

Они пошли по коридору. Антон сжимал в руке кусок арматуры – нашел на улице, хватил на всякий случай.

На втором этаже что-то блеснуло.

Зеркало.

Огромное, во всю стену, зеркало в золоченой раме. В нем отражался пустой коридор. Но в отражении коридор не был пустым.

Там стояли люди.

Десятки людей. Они смотрели на группу Антона и улыбались. Те же лица, те же одежды, только глаза другие – живые, хищные, голодные.

– Они тут, – сказал Антон. – Все.

Из зеркала вышел первый.

Он просто шагнул сквозь стекло, как сквозь воду, и оказался в коридоре. Это был мужик лет сорока, в деловом костюме, с портфелем. Только глаза у него были нечеловеческие.

– Гости, – сказал он. Голос звучал нормально, по-русски, без акцента. – Давно к нам не заходили настоящие. Скучали?

За ним вышли другие.

Они окружали группу Антона медленно, без спешки. Как волки. Как охотники.

– Назад! – крикнул Антон. – К выходу!

Но выход уже перекрыли. Оттуда тоже выходили отражения. Из каждого стекла, из каждой витрины, из каждого зеркала на стенах.

– Попали, – сказал серый мужик.

Женщина прижала к себе мальчика. Парень в спортивном костюме сжал кулаки.

Отражения остановились в нескольких метрах. Их было больше, очень много. Они смотрели на настоящих людей, как смотрят на вкусную еду.

– Интересно, – сказал тот, в костюме. – Кто из вас самый сильный? Кто дольше продержится?

Антон шагнул вперед.

– Я.

Отражение посмотрело на него. Улыбнулось.

– Смелый. Это хорошо. Смелых больше есть.

– Где проход? – спросил Антон. – Как вернуться?

– Вернуться? – отражение засмеялось. – Никак. Вы уже дома. Это ваш настоящий дом. А тот мир – наш. Мы просто поменялись. Вы давно уже должны были это понять.

– Неправда, – сказал Антон. – Я чувствую. Я настоящий. И она настоящая.

Он показал на Аню.

Отражение посмотрело на Аню. И вдруг изменилось в лице.

– Аня? – сказала оно. – Ты?

Аня побледнела.

– Узнаешь? – спросила она шепотом. – Это ты. Тот, кто вышел вместо меня.

Отражение Ани стояло перед ней. Та же родинка на шее. Те же рыжие волосы. Только глаза другие.

– Я скучала, – сказала отражение. – По твоему лицу. По твоему голосу. Я даже думала вернуться. Но потом привыкла. Там хорошо. Там можно жить.

– Это моя жизнь, – сказала Аня. – Ты украла мою жизнь.

– Не украла. Взяла на время. Могла бы и ты взять мою. Но ты слабая. Ты испугалась. А я не испугалась.

Отражение шагнуло ближе.

– Знаешь, что я сделаю? Я заберу его.

Она показала на Антона.

– Он сильный. Он мне понравился. Я заберу его в тот мир. А ты останешься здесь. Навсегда.

Аня закричала и бросилась на свое отражение.

Но та только засмеялась.

– Глупая. Ты не можешь меня тронуть. Я – это ты. Если ты ударишь меня, больно будет тебе.

Аня замерла, не зная, что делать.

Антон подошел к ней. Взял за руку.

– Не слушай, – сказал он. – Она врет. Она не ты. Она просто тень. Пустое место.

– Ой ли? – отражение Ани усмехнулось. – А ты проверь. Ударь меня. Посмотрим, что будет.

Антон размахнулся арматурой.

Но не ударил.

Потому что в этот момент из зеркала вышел еще один.

Антон.

Настоящий Антон – тот, который остался в том мире. Который обменялся с отражением у пруда. Он стоял в нескольких метрах и смотрел на Антона.

– Ну, здравствуй, – сказал двойник. – Узнаешь?

– Ты, – выдохнул Антон.

– Я. Пришел посмотреть, как ты тут. Скучаешь по дому?

– Это ты меня сюда заманил. Ты сказал, что покажешь дорогу к Ане.

– И показал. Вон она, твоя Аня. Рядом с тобой. Только выйти вы не можете. Потому что выхода нет. Я же говорил – мы меняемся. Ты теперь здесь, я там. Честный обмен.

Антон смотрел на своего двойника и видел себя. Только спокойного, уверенного, без страха в глазах.

– Зачем тебе это? – спросил он. – Зачем тебе моя жизнь?

– А затем, что я лучше, – ответил двойник. – Я умнее. Я сильнее. Я достоин большего. Ты всю жизнь просирал: работа не та, зарплата маленькая, жена пилит. А я все сделаю правильно. Я карьеру построю. Я денег заработаю. Я Ане счастье дам. Настоящее.

– Аня не с тобой. Она с тем отражением, которое вышло из зеркала.

Двойник усмехнулся.

– Думаешь? Посмотри внимательно.

Антон посмотрел на свою копию. На его плече лежала рука. Женская рука. Анина.

Та Аня, которая вышла из зеркала первой, стояла рядом с двойником и улыбалась. Не хищно, а ласково. Почти нежно.

– Мы теперь вместе, – сказала она. – Два отражения. Две идеальные версии. Мы будем жить вашу жизнь лучше, чем вы. А вы останетесь здесь. Гнить.

Антон почувствовал, как земля уходит из-под ног.

Не физически – морально. Выхода нет. Они проиграли. Отражения умнее, хитрее, сильнее. Они уже заняли их места. И никто не заметит подмены.

– А знаешь, что самое смешное? – спросил двойник. – Ты сам меня впустил. Ты сам шагнул в воду. Ты сам отдал мне свое место. Я даже не просил – ты предложил.

Антон молчал.

Вокруг стояли отражения. Смотрели. Ждали. Наслаждались.

Мальчик, сын женщины, заплакал.

И в этот момент Антон понял.

– Ты говоришь, что ты умнее, – сказал он. – А сам даже не понял.

– Чего не понял?

– Того, что вы не лучше. Вы просто копии. Пустые. У вас нет прошлого. Нет боли. Нет страха. Нет любви. Вы можете только красть. А создавать – нет.

Двойник нахмурился.

– Это ты так думаешь.

– Я знаю. Смотри.

Антон повернулся к Ане. К настоящей Ане, которая стояла рядом, бледная, испуганная, но живая.

– Я люблю тебя, – сказал он. – Помнишь, как мы познакомились? В автобусе, ты упала, я подхватил. Помнишь, как поженились? В дождь, в ЗАГСе, свидетели напильсь. Помнишь, как дочку хотели, но не получилось? И ты плакала, а я говорил, что ничего страшного, главное – ты. Помнишь?

Аня плакала.

– Помню, – шептала она. – Все помню.

– Это есть только у нас. У настоящих. А у них – пустота. Они могут украсть лица, привычки, голоса. Но не могут украсть память. Не могут украсть боль. Не могут украсть любовь.

Он повернулся к двойнику.

– Ты никогда не будешь мной. Потому что ты не жил мою жизнь. Ты просто картинка. Фотография. Пустое место.

Двойник побледнел.

Впервые за все время он выглядел растерянным.

– Заткнись, – сказал он.

– А что? Больно? Правда глаза режет?

– Заткнись! – заорал двойник.

Он бросился на Антона.

Но Антон был готов.

Он ударил арматурой первым.

Удар пришелся в плечо. Двойник закричал, упал. Но не рассыпался, не исчез – просто корчился на полу, как живой человек.

– Он живой, – сказал Антон. – Они живые. Их можно убить.

Отражения замерли.

Они смотрели на корчащегося двойника и не знали, что делать. Они привыкли быть охотниками, а не жертвами.

– В атаку! – крикнул Антон своим.

Группа бросилась вперед.

Парень в спортивном костюме сбил с ног отражение в деловом костюме. Женщина с мальчиком побежала к выходу, расталкивая замешкавшихся двойников. Серый мужик дрался как зверь – месяц в этом мире сделал его сильным.

Антон пробивался к зеркалу.

К огромному зеркалу в золоченой раме, из которого вышли отражения.

– Аня, за мной! – крикнул он.

Она бежала следом.

Отражения пытались остановить, но Антон размахивал арматурой, и они шарахались. Они не хотели умирать. Они хотели жить – даже здесь, в этом сером мире.

Они добежали до зеркала.

В нем отражался настоящий мир. "Гринвич" с нормальными цветами, с людьми, с охранниками, которые пили кофе у входа.

– Прыгаем! – Антон схватил Аню за руку и бросился в стекло.

—

Удар.

Холод.

Свет.

Антон лежал на полу. На кафельном полу торгового центра. Рядом с ним лежала Аня. Настоящая, живая, с глазами, в которых были зрачки.

Люди смотрели на них. Кто-то вызвал скорую. Кто-то спрашивал, не вызвать ли полицию.

Антон поднялся на ноги.

Он смотрел на зеркало, из которого только что выпрыгнул.

В зеркале отражался "Гринвич". Обычный, нормальный. Но в глубине, в самой глубине стекла, мелькали тени. Лица. Руки. Они прижимались к стеклу и смотрели.

– Пошли, – сказал Антон. – Надо уходить. Они еще вернутся.

Они вышли из "Гринвича" на улицу.

Был день. Солнце. Люди ходили по своим делам. Машины ехали. Жизнь продолжалась.

Антон остановился у витрины.

В витрине он видел свое отражение. Аню. Прохожих.

Все было нормально.

Но когда он присмотрелся, то заметил: отражение смотрело на него. Не на прохожих, не на улицу – именно на него. В упор.

Антон поднял руку.

Отражение подняло руку.

Синхронно.

– Все хорошо, – сказал он себе. – Просто зеркало.

Они пошли дальше.

Но через минуту Антон остановился.

Он вспомнил: когда они выпрыгивали из того мира, когда пробивали стекло, он видел свое отражение в последнюю секунду. Оно стояло в том мире и смотрело.

И улыбалось.

Он посмотрел на свою руку. На родинку на запястье.

Родинка была не с той стороны.

—

Антон не стал ничего говорить Ане.

Они шли по городу, и он думал. Думал о том, кто же он теперь. Тот, кто выпрыгнул, или тот, кто остался? Настоящий, или отражение, которое успело выскочить раньше?

У зеркал нет памяти. Только у людей.

Он помнил все. Автобус, дождь, ЗАГС. Значит, он человек.

Но родинка...

Родинка была не с той стороны.

— Ань, — сказал он. — Посмотри на меня. Кто я?

Аня остановилась. Посмотрела долго. Потом улыбнулась.

— Ты мой муж, — сказала она. — И плевать, с какой стороны у тебя родинка.

Она взяла его за руку, и они пошли дальше.

Антон обернулся на витрину.

В витрине стояло его отражение. Оно не шло, не двигалось — просто стояло и смотрело им вслед. И улыбалось.

Антон улыбнулся в ответ.

— Пошли, — сказал он. — Домой.

— А что там? — спросила Аня.

— Не знаю. Но там наша жизнь. Будем разбираться.

Они шли по улице, и в каждой витрине, в каждом стекле, в каждой луже мелькали лица.
Тени. Отражения.

Мир изменился.

Они это знали.

Но они были вместе. А значит, можно было жить.

—

Эпилог

Через месяц эпидемия пошла на спад.

Люди перестали жаловаться на зеркала. Ученые нашли объяснение – массовый психоз, эффект внушения, вирусная истерия в соцсетях. Психиатры лечили пострадавших. Телевидение показывало экспертов, которые все объясняли.

Но Антон знал правду.

Эпидемия не кончилась. Просто отражения перестали показывать себя. Они научились ждать. Они заняли свои места и жили тихо, не привлекая внимания.

Где-то в городе жил его двойник. Работал на его стройке. Общался с его друзьями. Спал с женщиной, которую Антон считал своей женой.

Иногда они встречались. В магазине, на улице, в транспорте. Смотрели друг на друга и расходились. Им нечего было делить. Они оба были Антонами. Оба настоящие. Оба отражения.

– Кто из нас копия? – спросил однажды двойник, столкнувшись с ним в лифте.

– Оба, – ответил Антон. – Мы просто две стороны одного стекла.

Двойник кивнул.

– Береги Аню, – сказал он. – Ту, которая с тобой.

– Берегу.

Двери лифта закрылись.

Антон вышел на улицу. Светило солнце. Весна вступала в свои права.

Он посмотрел в лужу под ногами.

Отражение посмотрело на него.

– Привет, – сказал Антон.

Отражение не ответило. Просто улыбнулось.

Антон улыбнулся в ответ и пошел дальше.

Где-то там, в глубине стекла, ждали те, кто не успел выйти. Они смотрели на этот мир и учились. Ждали своего часа.

Антон знал: однажды граница исчезнет совсем. И тогда начнется настоящая эпидемия.

Но это будет потом.

А пока – солнце, весна, Аня рядом.

И зеркала. Много зеркал.

В каждом из них – он сам.

Или не он.

Какая разница?

НОЧНОЙ ГОСТЬ

Часть 1. Свет

Он впервые заметил это во вторник, в двадцать три сорок семь.

Не то чтобы Кирилл следил за временем – просто часы на тумбочке светились зеленым, и когда он выключил бра, эти цифры врезались в глаза раньше, чем темнота.

23:47.

А потом темнота пришла.

И Кирилл понял, что не может дышать.

Он лежал на своей кровати – на нормальной кровати, в своей спальне, в своей квартире на седьмом этаже, с железной дверью и сигнализацией, – и не мог дышать. Потому что темнота была не просто темнотой. Она была живой. Она давила на грудь, на горло, на глаза. Она шевелилась в углах.

Кирилл шарил рукой по тумбочке, сбил стакан с водой, задел очки, нашел наконец выключатель.

Щелчок.

Свет.

Свет залил спальню, разогнал тени по углам. Кирилл сидел на кровати, вцепившись в простыню, и смотрел, как его сердце колотится под футболкой. Тук-тук-тук. Как отбойный молоток.

– Твою мать, – выдохнул он.

В углах никого не было. Конечно никого. Шкаф стоял закрытый. Окно заперто. В коридоре горел ночник – Кирилл всегда оставлял его включенным, чтобы дети не боялись ходить в туалет.

Дети.

У него есть дети. У него есть жена. У него есть бизнес – два магазина автозапчастей, двадцать три сотрудника, оборот под полтора ляма в месяц. У него есть ипотека, но почти погашенная. Есть кредитка, но с хорошим лимитом. Есть жизнь. Нормальная, успешная, правильная жизнь.

И есть темнота.

Которую он боится как последний говнюк.

Кирилл посидел еще минуту, потом встал, прошел на кухню, налил себе воды из кулера. Руки дрожали. Он смотрел на свои руки – сильные, в мелких шрамах от работы с железом, с золотым обручальным кольцом – и видел, как они трясутся.

– Спокойно, – сказал он вслух. – Просто стресс. Переработал. Надо отдохнуть.

Он вернулся в спальню, включил торшер в углу, лег и смотрел в потолок до трех ночи. Потом провалился в сон без сновидений.

Утром Лена спросила:

– Ты чего свет жгешь? Я встала в туалет, а у тебя люстра горит.

– Задремал, не выключил, – соврал Кирилл.

Она посмотрела на него странно, но ничего не сказала.

—

Через неделю он уже не спал без света.

Торшер в спальне горел каждую ночь. Кирилл включал его, ложился и смотрел в потолок, пока глаза не слипались. Если торшер случайно выключался (жена иногда выдергивала из розетки, чтобы зарядить телефон), Кирилл вскакивал среди ночи в холодном поту и шарил руками по стене в поисках выключателя.

Он начал проверять шкафы.

Сначала только на ночь, перед сном. Открывал дверцы, смотрел внутрь, закрывал. Потом начал проверять и днем, когда возвращался с работы. Заглядывал в гардеробную, под кровать, за шторы.

Лена заметила.

– Кир, ты чего? – спросила она, застав его коленопреклоненным перед диваном. Он заглядывал под диван. Там была только пыль и закатившийся детский носок.

– Пульт потерял, – буркнул Кирилл.

– Пульт на журнальном столике лежит.

Кирилл встал, отряхнул колени. Лена смотрела на него с тем особенным взглядом, каким женщины смотрят на мужей, когда те начинают делать странные вещи. Этот взгляд означал: «Я пока молчу, но если продолжится – поташу к врачу».

Продолжилось.

—

На второй неделе Кирилл перестал выходить из спальни в туалет ночью.

Он терпел. Лежал и смотрел в потолок, чувствуя, как мочевой пузырь давит, но встать не мог. Потому что коридор был темный. Ночник в коридоре горел, но Кирилл знал – это не помогает. Темнота все равно там. Она ждет за дверью.

В ту ночь он обоссался.

Просто лежал и чувствовал, как тепло растекается по трусам, по простыне, по матрасу. И не мог пошевелиться. Потому что за дверью спальни была ОНА.

Утром он сам загрузил простыни в стиралку, пока Лена возила детей в школу. Сказал, что пролил кофе.

Лена пришла, понюхала воздух, посмотрела на него.

– Кирилл, – сказала она. – Я записала тебя к психотерапевту.

– Я не псих.

– Я знаю. Но у тебя проблемы. Ты похудел за две недели на пять кило. Ты не спишь. Ты дергаешься от каждого шороха. Ты вчера на ребенка наорал, когда он подкрался сзади. Это не ты.

Кирилл хотел возразить, но понял, что она права.

– Кто этот врач? – спросил он.

—

Виктор Борисович оказался мужиком лет пятидесяти, с лысиной и бородой, в очках без оправы. Кабинет у него был светлый, с мягким диваном, с картинами на стенах – пейзажи, лес, речка. Без абстракций. Без чернухи.

– Рассказывайте, Кирилл, – сказал он. Голос спокойный, низкий. Врачебный.

Кирилл рассказал.

Про темноту. Про то, что началось внезапно, без причины. Про то, что раньше ничего такого не было – в армии служил, в караулах стоял, в поле спал, в палатке. Про то, что бизнес в порядке, семья в порядке, стрессов особых нет. Про то, что он проверяет шкафы.

Виктор Борисович слушал, кивал, делал пометки в блокноте.

– Детство, – сказал он наконец. – Давайте покопаем детство. Часто такие фобии родом оттуда. Темнота, шкафы, монстры под кроватью – это классика.

Кирилл послушно рассказал про детство.

Мать, отец (оба живы, здравствуют). Семья нормальная, без пьянок и драк. Садик, школа, друзья. Никаких подвалов, никаких заброшенных домов, никаких травм. В шкафу никто не прятался, под кроватью – тоже.

– Может, фильм какой в детстве посмотрели страшный? – спросил Виктор Борисович.

– Я ужасы не люблю. Боевики, фантастика. «Терминатора» вон любил. А ужасы – нет.

Психотерапевт потер переносицу.

– Странно. Обычно корни находятся. А тут – пусто. Как будто с неба упало.

Кирилл пожал плечами.

– И что делать?

Виктор Борисович подумал.

– Есть один эксперимент. Необычный. Но может дать результат. Вы готовы?

– Какой эксперимент?

– Камера. Установим в спальне камеру с ночным видением. Будет записывать вас всю ночь. Утром посмотрим, что происходит. Может, увидим что-то, что объяснит ваше состояние.

Кирилл почувствовал, как по спине пробежал холод.

– А если я там... ну... хожу? Лунатизм?

– Лунатизм обычно выглядит иначе. Но не будем гадать. Посмотрим – узнаем.

Кирилл согласился.

—

Камера появилась в спальне в пятницу вечером.

Маленькая, на штативе, с красным глазком. Виктор Борисович сам приехал, настроил, показал, как работает. Объектив смотрел прямо на кровать.

– Ложитесь спать как обычно, – сказал он. – Свет не выключайте, если боитесь. Камера видит в темноте, но при свете тоже нормально. Главное – не обращайтесь на нее внимания. Утром я приеду, посмотрим.

Он уехал.

Кирилл сидел на кухне с Леной, пил чай. Лена молчала, но взгляд у нее был тревожный.

– Думаешь, поможет? – спросила она.

– Не знаю. Но хуже не будет.

Лена взяла его за руку.

– Кир, если там что-то серьезное... мы справимся. Я с тобой.

Кирилл кивнул. Ему хотелось верить.

—

В спальню он вошел в одиннадцать.

Разделся, лег, включил торшер. Камера смотрела на него красным глазом. Кирилл пома- хал ей рукой – дурачась, чтобы снять напряжение. Потом повернулся на бок и закрыл глаза.

Спать не хотелось.

Он лежал и слушал тишину. За окном – далекие машины. В соседней комнате – дети спят. На кухне – холодильник гудит. Обычные звуки. Живые.

Спальня была залита светом. Торшер в углу горел ярко, тени лежали четкие, ровные. Ничего страшного. Ничего опасного.

Кирилл закрыл глаза и провалился в сон.

—

Утром его разбудил звонок в дверь.

Виктор Борисович стоял на пороге с ноутбуком под мышкой. Лицо у него было нейтраль- ное – врач умеет держать лицо.

– Доброе утро, – сказал он. – Кофе готов?

– Лена сделает, – Кирилл зевнул. – Вы уже посмотрели?

– Жду вас.

Они сели за стол. Лена налила кофе, села рядом. Виктор Борисович открыл ноутбук, поставил на стол.

– Смотреть будем вместе, – сказал он. – Я прокомментирую.

На экране была спальня. Камера снимала хорошо – видно кровать, тумбочку, торшер, дверь. Кирилл на кровати лежит лицом к стене.

– Время 23:15, – сказал Виктор Борисович. – Вы только что легли.

На экране Кирилл пошевелился, поправил подушку, затих.

Время пошло быстрее – запись ускоренная. Минуты мелькали, тени на стене двигались, Кирилл иногда переворачивался.

– Ничего особенного, – сказал Виктор Борисович. – Первые четыре часа.

На экране высветилось 3:10.

– А вот сейчас, – врач замедлил запись. – Смотрите внимательно.

Кирилл смотрел.

Он лежал на спине. Лицо спокойное, глаза закрыты. Торшер горит, свет падает ровно.

3:14.

3:15.

Глаза Кирилла открылись.

Он не проснулся – просто открыл глаза. Мгновенно. Как будто кто-то щелкнул выключателем. Зрачки смотрели прямо в потолок. Потом он медленно, очень медленно сел на кровати.

Лена рядом ахнула.

На экране Кирилл сидел, свесив ноги. Смотрел прямо перед собой. Потом повернул голову.

В угол комнаты.

Там, куда он смотрел, стоял торшер. И больше ничего. Пустой угол. Обои в полоску. Край шкафа.

Кирилл на экране смотрел в этот угол и не моргал. Секунда. Две. Пять.

Потом его губы растянулись в улыбке.

Широкой, медленной улыбке. Не своей. Кирилл знал, как он улыбается – обычно, по-человечески, с морщинками у глаз. Сейчас на экране улыбался кто-то другой. Улыбка была слишком широкая. Слишком спокойная.

– Я помню, – сказал Кирилл на экране. Голос прозвучал глухо, но четко. – Я помню, я иду.

И лег обратно.

Закрыв глаза.

И лежал, как лежал. Спокойно, ровно, без движения.

3:16.

3:17.

Дальше ничего не происходило до самого утра.

Виктор Борисович остановил запись.

В кухне повисла тишина. Холодильник гудел. За окном проехала машина. Лена сидела белая как мел.

Кирилл смотрел на экран, на свою улыбку, на пустой угол, и чувствовал, как внутри поднимается ледяная волна.

– Я не помню, – сказал он. Голос сел, пришлось откашляться. – Я вообще этого не помню.

– Я знаю, – спокойно сказал Виктор Борисович. – Вы спали. Это не осознанное поведение.

– Что это тогда? Лунатизм?

Врач помолчал.

– Есть один нюанс. Я увеличил угол. Тот, куда вы смотрели.

Он пощелкал клавишами, приблизил изображение. Угол комнаты, пол, плинтус. Торшер.

– Смотрите, – Виктор Борисович ткнул пальцем в экран.

На полу, прямо у стены, была пыль. Обычная пыль, серая, чуть заметная. Но на пыли был след.

Прямая. Как будто кто-то стоял. Два небольших углубления – пятки? Носки?

– Там никого не было, – сказал Кирилл. – Я смотрел запись. Там пусто.

– Там пусто, – подтвердил Виктор Борисович. – Но кто-то стоял. Достаточно долго, чтобы примять пыль.

Лена всхлипнула.

– Это монтаж? – спросила она. – Камера глючит?

– Камера новая. Я сам настраивал. Пыль примята физически. Если завтра проверить – она так и останется примятой. Там кто-то стоял. Этой ночью. Пока вы спали.

Кирилл смотрел на экран и чувствовал, как реальность уходит из-под ног.

Кто-то стоял в углу его спальни. Этой ночью. Смотрел на него. А он, Кирилл, сел на кровати, улыбнулся этому кому-то и сказал: «Я помню, я иду».

И не помнит ничего.

– Что мне делать? – спросил он.

Виктор Борисович снял очки, протер их.

– Я не знаю, Кирилл. Это за пределами моей компетенции. Я психотерапевт, а не экстрасенс. Могу посоветовать только одно: поставьте камеру еще на одну ночь. И посмотрим, что будет дальше.

– Нет! – выкрикнула Лена. – Никаких камер! Кирилл, поехали к бабушке. Или к бабке какой. Это не психика, это... это чертовщина!

Кирилл посмотрел на жену. Она плакала. Она редко плакала – только когда дети болели или когда у них совсем туго было с деньгами в первые годы. Сейчас она плакала от страха.

– Лена, успокойся, – сказал он. – Надо разобраться.

– Разобраться? – она вскочила. – Ты на себя в зеркало смотрел? Ты за две недели сожрал сам себя! Ты шкафы проверяешь! А теперь выясняется, что ночью ты с пустотой разговариваешь! Какая, нахуй, разобраться?

Она выбежала из кухни. Хлопнула дверь спальни.

Виктор Борисович вздохнул.

– Жена права в одном: это не моя епархия. Я дам вам контакты коллеги, он занимается... ну, назовем это "необычными состояниями". Но предупреждаю: официальная медицина там бессильна.

– А неофициальная?

Врач посмотрел на него долгим взглядом.

– Неофициальная иногда работает. Иногда – нет. Иногда делает хуже. Решайте сами.

Он оставил визитку на столе и ушел.

Кирилл сидел на кухне один, смотрел на ноутбук, на застывший кадр – пустой угол со следами на пыли – и пытался понять, сошел он с ума или мир действительно треснул.

—

Ночь.

Кирилл лежал в спальне. Лена спала в детской – сказала, что не может смотреть на него, боится. Камера снова стояла на штативе. Красный глаз глядел на кровать.

Кирилл не спал. Он ждал.

Часы на тумбочке показывали 23:47. 0:15. 1:03.

Он боролся со сном, но сон наваливался, давил на веки. Кирилл щипал себя, садился, пил воду. Потом ложился снова.

2:30.

Глаза слипались. Темнота за пределами светового круга от торшера казалась густой, как кисель. Кирилл смотрел в угол – тот самый, где на пыли остались следы. Там было пусто. Торшер горел, тень от него падала на стену.

2:45.

Кирилл провалился в сон.

—

Он открыл глаза в 3:15.

Не сам открыл – они открылись. Как будто кто-то дернул за ниточки.

Тело село на кровати. Кирилл чувствовал это со стороны – как будто смотрел на себя из другой точки комнаты. Он не управлял телом. Оно двигалось само.

Голова повернулась к углу.

Там, в углу, стоял ОН.

Мальчик.

Лет семи-восьми, в старой пижаме, полосатой, с длинными рукавами. Стоял и смотрел на Кирилла. Лицо бледное, глаза большие, черные. Без белков. Сплошные черные яблоки.

– Я помню, – услышал Кирилл свой голос. Губы шевелились сами. – Я помню, я иду.

Мальчик улыбнулся.

У него не было зубов. Черный рот, черные глаза, полосатая пижама.

И тут Кирилл вспомнил.

Шкаф.

Старый шкаф в родительской спальне. Огромный, дубовый, с зеркалом во весь рост. Он любил прятаться в этом шкафу. Сидеть среди пальто и курток, вдыхать запах нафталина, смотреть в щелку.

Однажды дверца закрылась плотно. Щеколда защелкнулась.

Он просидел там три часа.

Три часа в полной темноте. Среди пальто, которые пахли чужими телами. Он кричал, колотил, плакал – никто не слышал.

А потом в шкафу кто-то появился.

Кто-то, кто сидел там все это время. Ждал. Смотрел черными глазами.

– Я тебя помню, – сказал Кирилл мальчику. – Ты был там. Ты смотрел на меня.

– Ты обещал, – сказал мальчик.

Голос у него был тихий, шелестящий, как сухие листья.

– Ты обещал, что придешь. Что поиграем. Я ждал.

Кирилл вспомнил.

Когда его вытащили из шкафа, он ревел и говорил что-то невнятное про мальчика. Родители списали на испуг, на темноту, на детскую фантазию. Напоили чаем с валерьянкой, уложили спать. И все забылось.

А мальчик не забыл.

Он ждал.

Тридцать три года.

– Я иду, – сказал Кирилл.

Тело встало с кровати. Ноги пошли к углу. К мальчику.

– Пошли, – сказал мальчик и протянул руку.

Рука была холодная. Мертвая. От нее тянуло сыростью и тем, что бывает только в подвалах старых домов.

Кирилл взял ее.

И шагнул в угол.

—

Утром Лена зашла в спальню.

Кровать была пуста. Смятые простыни, сбитая подушка. Торшер горел. Камера стояла на штативе.

– Кирилл? – позвала она.

Тишина.

Она обошла квартиру – пусто. Дверь заперта изнутри. Окна закрыты. Сигнализация не срабатывала.

Лена подошла к камере, нажала просмотр.

Всю ночь Кирилл лежал на кровати. В 3:15 сел, посмотрел в угол, сказал "Я помню, я иду" и лег обратно.

Но когда Лена подняла глаза от экрана и посмотрела в угол, она увидела.

Пыль на полу была примята. Два следа – взрослые ступни. И рядом – маленькие, детские.

Она подошла ближе.

Следы вели к стене и обрывались.

Лена протянула руку, коснулась обоев. Обои были холодные. И влажные. Как будто за ними была не стена, а что-то другое.

Она прижалась ухом.

Тишина.

А потом, очень далеко, она услышала голос.

Кириллин голос.

– Я помню, – говорил он. – Я помню, я иду.

И детский смех.

– Теперь мы вместе, – прошепестел кто-то. – Навсегда.

Лена закричала.

Она била по стене кулаками, рвала обои, царапала штукатурку. Под обоями был бетон. Обычный бетон. За бетоном – ничего.

Она кричала, пока не сел голос.

А потом в квартире зазвонил телефон.

Лена подняла трубку.

– Леночка, здравствуй, – сказал голос Кирилла. – Я скоро буду. Задержался немного. Поиграл со старым другом.

– Где ты? – прошептала Лена.

– В шкафу, – ответил голос и засмеялся.

Смех был не Кириллин.

Лена бросила трубку и побежала в спальню. Открыла шкаф.

Там висели рубашки, пиджаки, куртки. Пахло нафталином.

И в глубине, между вешалками, кто-то стоял.

Она не видела лица. Только силуэт.

– Иди к нам, – сказал силуэт голосом ее мужа. – Здесь не больно. Здесь просто темно.

Лена захлопнула дверцу шкафа и прижала ее спиной.

Сердце колотилось где-то в горле.

Из-за дверцы донесся стук.

Тук.

Тук.

Тук.

– Открой, – попросил голос. – Мы хотим играть.

Лена зажмурилась.

А когда открыла глаза – шкаф был пуст.

Только рубашки висели. Только пиджаки. Только запах нафталина.

Она подошла, раздвинула вешалки.

На задней стенке шкафа, на дереве, были выцарапаны слова:

ЗДЕСЬ ВСЕГДА ЕСТЬ МЕСТО

Лена вылетела из квартиры. Бегом по лестнице, на улицу, к людям. Она бежала и чувствовала, что за спиной кто-то есть.

Она обернулась.

Никого.

Только отражение в стеклянной двери подъезда.

Ее собственное отражение смотрело на нее и улыбалось.

Слишком широко.

—

Часть 2. Шкаф

Лена не вернулась домой.

Она приехала к матери, с детьми, с истерикой, с рассказом, который звучал как бред сумасшедшей. Мать выслушала, покивала, напоила чаем с валерьянкой и уложила спать.

– Утро вечера мудренее, – сказала она.

Утро не стало мудренее.

Утром позвонили из полиции.

– Лена Петровна? Вы жена Кирилла Петровича?

– Да.

– Приезжайте. Мы нашли машину вашего мужа. На кладбище.

—

Машина стояла на старой части кладбища, у заброшенных могил еще советских времен. Дверцы открыты, ключи в замке зажигания. Внутри – ничего. Ни записок, ни следов борьбы. Только детский носок на заднем сиденье. Полосатый, в синюю полоску.

– Ваш? – спросил следователь.

Лена покачала головой. У них не было таких носков. У них вообще не было полосатых вещей.

– Экспертиза покажет, – сказал следователь. – Вы не знаете, зачем муж мог сюда приехать?

Лена посмотрела на старые могилы. Памятники покосились, оградки поржавели. Где-то здесь, наверное, лежали люди, умершие давно. Может, дети.

– Нет, – сказала она. – Не знаю.

Она врала.

Она знала.

Он приехал к тому мальчику. К тому, из шкафа.

—

Дома Лена включила компьютер и полезла в архивы.

Кирилл рассказывал про свое детство, про родителей. Она знала адрес дома, где он вырос. Старая хрущевка в спальном районе, уже расселенная, под снос.

Она поехала туда.

Дом стоял с выбитыми окнами, с черными провалами дверей. Стены были расписаны граффити, внутри пахло мочой и кострами бомжей.

Лена нашла квартиру на третьем этаже. Дверь висела на одной петле. Внутри – пустые комнаты, ободранные обои, мусор на полу.

Спальня родителей была узнаваема – по остаткам рисунка на стене, по встроенному шкафу.

Шкаф был на месте.

Старый, дубовый, с зеркалом во весь рост. Зеркало было целым. Странно – мародеры обычно выносят все, а зеркало не тронули.

Лена подошла.

В зеркале отражалась комната. Пустая, грязная, с кучами мусора. И Лена – растрепанная, с красными глазами, в куртке нараспашку.

Она открыла дверцу шкафа.

Внутри было пусто. Полки, вешалки, задняя стенка. Ничего особенного. Только запах. Старый, пыльный, сладковатый. Запах нафталина и еще чего-то. Чего-то, от чего хотелось закрыть нос.

Лена залезла внутрь.

Задняя стенка шаталась. Лена надавила – стенка отъехала в сторону. За ней была темнота.

Не стена соседней квартиры. Не кирпичи. Темнота.

Густая, живая, дышащая.

– Кирилл? – позвала Лена.

Тишина.

А потом из темноты донесся шепот:

– Мама?

Лена узнала голос. Голос младшего, Павлика. Но Павлик был у бабушки. Павлик был дома, в безопасности.

– Павлик? – голос сорвался.

– Мама, здесь темно. Здесь мальчик. Он говорит, мы будем играть вечно.

Лена шагнула в темноту.

—

Она не знала, сколько прошло времени. Минута? Час? Год?

Тьма была везде. Но не пустая. В ней кто-то был. Много кто. Они дышали, шевелились, шептали.

– Лена...

– Иди к нам...

– Здесь не больно...

Она шла на голос Павлика. Шла, выставив руки вперед, спотыкаясь о что-то мягкое, теплое, живое.

– Павлик!

Вдруг вспыхнул свет.

Лена стояла посреди комнаты. Детской комнаты. Обои в кораблики, кроватка, игрушки на полу. На кроватке сидел Павлик и смотрел на нее.

– Мама, ты пришла.

Лена рванула к нему, обняла, прижала к себе.

– Мы уходим, – сказала она. – Сейчас же.

– Нельзя, – Павлик покачал головой. – Он не пускает. Он говорит, мы теперь его семья.

– Кто он?

Из угла вышел мальчик. В полосатой пижаме. С черными глазами без белков. Он улыбался.

– Здравствуй, Лена. Я ждал тебя. Вы все теперь будете со мной.

– Где Кирилл?

– Там, – мальчик махнул рукой.

Лена посмотрела в угол. Там стоял Кирилл. Живой, целый. Смотрел на нее и улыбался той же улыбкой – слишком широкой, не своей.

– Леночка, – сказал он. – Здесь хорошо. Здесь всегда можно играть. Никто не вырастает. Никто не уходит.

– Ты с ума сошел? – закричала Лена. – Там дети! Там наша жизнь!

– Там была жизнь, – поправил Кирилл. – А здесь – вечность.

Мальчик подошел ближе.

– Вы останетесь. Все. Я долго ждал. Тридцать три года. Теперь вы моя семья. Мои игрушки.

Лена заслонила Павлика.

– Не подходи.

Мальчик засмеялся. Смех был тихий, шелестящий, как сухие листья.

– Ты не можешь мне помешать. Я здесь хозяин. Я всегда был здесь. Еще до того, как ваш дом построили. Еще до того, как этот город появился. Я ждал. И дождался.

Лена чувствовала, как темнота стучится вокруг. Как руки тянутся из пола, из стен, из потолка. Мягкие, холодные, настойчивые.

– Павлик, держись за меня, – сказала она.

– Не отпущу, мама.

– Умница.

Мальчик с черными глазами наклонил голову.

– Смелая. Я таких люблю. Из смешных игрушек дольше боль выходит.

– Иди на хуй, – сказала Лена.

И плюнула ему в лицо.

Мальчик замер.

Плевок висел на его щеке – реальный, вязкий, человеческий. Он не исчезал. Он жег.

Мальчик закричал.

Впервые за все время он закричал по-настоящему. Не шелестел, не шептал – орал, как обычный ребенок, которому сделали больно.

– Ты не можешь! – орал он. – Ты просто человек!

– А ты просто тварь, которая детей в шкафах пугает, – сказала Лена. – Иди отсюда.

Она шагнула на него.

Мальчик попятился.

– Не подходи!

– Я к тебе иду, – Лена улыбнулась. – Хочешь играть? Давай играть. В прятки. Ты прячься. А я найду. И когда найду – убью.

Мальчик заверещал и растворился в темноте.

Свет вокруг Лены стал ярче. Комната с корабликами на обоях дрогнула, поплыла, растаяла.

Лена стояла в пустой квартире. В той самой, в хрущевке. За спиной – шкаф с отодвинутой задней стенкой. Перед ней – Павлик, живой, теплый, настоящий.

– Мама, – сказал он. – Я боюсь.

– Я рядом, сынок. Пошли домой.

Она вышла из квартиры, держа сына за руку. Спустилась по лестнице. Вышла на улицу.

Солнце. Весна. Птицы орут.

Нормальная жизнь.

Лена села на лавочку у подъезда и разрыдалась. Павлик прижался к ней, гладил по голове и шептал: "Не плачь, мам, я здесь, я с тобой".

—

Домой они вернулись вечером.

Старший сын встретил их в коридоре.

– Папка звонил, – сказал он. – Сказал, что задерживается. Что-то по работе.

Лена замерла.

– Когда звонил?

– Полчаса назад. Голос странный был. Как будто из бочки говорил.

В этот момент зазвонил домашний телефон.

Лена подняла трубку.

– Леночка, – сказал голос Кирилла. – Я скоро приду. Только закончу играть. Ты не волнуйся.

– Где ты?

– В шкафу, – ответил голос и засмеялся. Тем же смехом – шелестящим, сухим, нечеловеческим.

Лена бросила трубку и пошла в спальню.

Шкаф был закрыт.

Она открыла дверцу.

Там висели рубашки. Пиджаки. Куртки. И в глубине, между вешалками, стоял мальчик в полосатой пижаме. Черные глаза смотрели на Лену.

– Я вернулся, – сказал он. – Ты не убила меня. Так не бывает. Меня нельзя убить.

Лена схватила со стула первое, что попало – тяжелую деревянную вешалку.

– Выметайся.

– Или что?

– Или я вызову батюшку. Или экзорциста. Или просто подожгу этот шкаф к чертям собачьим вместе с тобой.

Мальчик улыбнулся.

– Ты не сможешь. Там твой муж.

Из темноты вышел Кирилл. Живой, целый, но с теми же черными глазами.

– Лена, – сказал он. – Не надо. Мы теперь вместе. Все вместе. Навсегда.

Лена смотрела на мужа и видела, что его там нет. Есть только оболочка. Только тело, в котором сидит что-то чужое.

– Ты не Кирилл, – сказала она.

– Я Кирилл, – ответило оно голосом мужа. – Просто теперь я знаю. Я помню. Я всегда был там, в темноте. Просто забыл. А теперь вспомнил.

– Что ты помнишь?

– Что я родился там. В шкафу. А потом вышел. А он остался. Мы менялись всю жизнь. То я тут, то он там. А теперь мы вместе.

Лена не поняла ни слова. Но ей стало страшно. Страшнее, чем когда-либо.

– Уходи, – сказала она. – Оставь нас.

– Не могу, – ответил Кирилл. – Мы семья. А семья должна быть вместе.

Он шагнул к ней.

Лена ударила его вешалкой.

Удар пришелся по лицу. Кирилл даже не моргнул. Только улыбнулся шире.

– Больно, – сказал он. – Хорошо. Я люблю боль. Она напоминает, что я живой.

Из шкафа полезли руки. Много рук. Детских, взрослых, стариковских. Они тянулись к Лене, хватали за одежду, за волосы, за руки.

– Иди к нам, – шептали они. – Иди к нам. Здесь тепло. Здесь темно. Здесь никто не один.

Лена закричала.

—

Она очнулась на полу.

Рядом сидел Павлик и гладил ее по голове.

– Мама, ты упала, – сказал он. – Вставай.

Лена села.

Шкаф был закрыт. Обычный шкаф. Рубашки висят, пиджаки, куртки.

– Где папа? – спросила она.

– Папа звонил, сказал, что будет поздно, – ответил старший из коридора. – Ты чего там упала?

Лена встала, подошла к шкафу, открыла.

Пусто.

Только рубашки. Только пиджаки. Только запах нафталина.

На задней стенке, на дереве, кто-то выцарапал новые слова:

МЫ ВЕРНЕМСЯ

Лена закрыла шкаф.

– Дети, – сказала она. – Мы переезжаем к бабушке. Насовсем.

– А папа? – спросил Павлик.

– Папа... – Лена замялась. – Папа пока побудет здесь. У него работа.

Она не знала, верит ли сама в то, что говорит.

—

Эпилог

Прошел год.

Кирилла так и не нашли. Полиция закрыла дело – без вести пропавший, нет улик, нет тела. Лена оформила развод через суд, по причине безвестного отсутствия.

Она переехала в другой город, сменила работу, детям сказала, что папа уехал в командировку надолго.

Иногда звонил телефон.

– Леночка, – говорил голос. – Я скучаю. Когда приедешь?

– Никогда, – отвечала Лена и бросала трубку.

Номер каждый раз был разный. То городской, то мобильный, то с неизвестного. Голос всегда был Кириллин.

Однажды ночью она проснулась от того, что кто-то смотрит на нее.

В комнате было темно. Лена протянула руку к выключателю.

– Не включай, – сказал голос из темноты. – Так лучше. Так мы видим друг друга.

– Кирилл?

– Я. И не только я.

Лена зажгла свет.

В углу комнаты стоял Кирилл. В пижаме. С черными глазами без белков.

Рядом с ним стоял мальчик в полосатой пижаме.

И еще. И еще. Целая стена людей. Мужчины, женщины, дети. Все с черными глазами. Все с одинаковыми улыбками.

– Мы теперь одна семья, – сказал Кирилл. – Большая. Дружная. Присоединяйся.

Лена закричала.

Соседи прибежали через минуту – квартира пуста, никого. Только открытое окно и ветер.

Лена сидела на кровати, белая как мел, и смотрела в угол.

– Там были люди, – сказала она. – Много людей.

Соседи переглянулись. Вызвали психиатричку.

—

Сейчас Лена в больнице. Диагноз – реактивный психоз, острая форма. Лечат таблетками, ставят уколы.

Она почти не разговаривает. Только смотрит в угол.

Иногда она шепчет:

– Я помню. Я помню, я иду.

Медсестры крестятся и просят перевести ее в другую палату.

А в городе, в старой хрущевке под снос, в шкафу с отодвинутой задней стенкой, кто-то есть.

Много кто.

Они ждут.

У них теперь есть семья. Большая. Дружная.

И они всегда рады новым.

ИГРА В ВОЙНУ

Часть 1. Карьер

Карьер был идеальным местом для войны.

Димка стоял на краю обрыва и смотрел вниз, на дно, где уже собирались пацаны. Сверху они казались муравьями – маленькими, шустрыми, бестолковыми. Орали, махали палками, пихались.

– Дима! Ты че там застыл? Спускайся давай!

Это Леха орал. Леха был главным заводилой, у него был самый громкий голос и самые длинные руки. Если Леха сказал – надо делать, иначе получишь по шее.

Димка спустился по осыпающейся тропинке, цепляясь за кусты. Щебенка сыпалась из-под кед, пыль лезла в нос. Внизу уже дымил костер – пацаны натаскали сухих веток и жгли, хотя было тепло, майское солнце припекало будь здоров.

– Войну будем делать! – объявил Леха, когда Димка подошел. – Делимся на две команды. Наши и фашисты.

– Я буду нашим! – сразу заорал мелкий Колька, которому было всего девять, и его вечно брали только чтоб не ныл.

– Заткнись, – Леха даже не посмотрел на него. – Командиром буду я. Я выбираю себе бойцов.

Он обвел взглядом толпу. Человек двенадцать пацанов, от девяти до тринадцати. Кто в куртках, кто в майках, кто в кедах, кто вообще босиком – разулись, чтоб удобней было.

– В мою команду идут... – Леха ткнул пальцем. – Витька, Серега, Михал, Димка, Колька... ну и ты, и ты.

Он набрал шестерых. Остальные автоматически становились фашистами.

– А фашистами кто командует? – спросил Тоха, тощий, с вечно разбитой губой.

– Да хоть ты, – Леха махнул рукой. – Какая разница? Мы вас все равно сделаем.

Тоха обиженно засопел, но спорить не стал. С Лехой вообще никто не спорил. Леха был самым старшим, самым сильным и самым злым. Если что не так – сразу в ухо, без разговоров.

– Оружие брать свое, – продолжал Леха. – У кого чего есть. Палки, рогатки, можно камни, но в голову не кидать, уговор. Кто в голову – того самого бить будем.

– А где играем? – спросил Витька, Лехин лучший друг, такой же здоровый, но более тупой.

– Во всем карьере. Там, – Леха махнул в сторону заброшенной техники, ржавых экскаваторов, которые стояли тут еще с советских времен, – штаб фашистов. Там, – он показал на пещеру в стене, небольшую нишу, оставшуюся после взрывных работ, – наш штаб. Кто захватит штаб противника – тот победил.

– А пленные? – спросил Михал, мелкий, но шустрый.

– Пленных не брать, – Леха усмехнулся. – Расстреливать на месте.

Пацаны заржали. Все знали, что это понарошку.

Все, кроме одного.

Димка заметил это не сразу. Он смотрел на Леху и видел обычного Леху – наглого, самоуверенного, с вечно прищуренными глазами. Но когда Леха сказал про расстрел, его глаза на секунду стали другими.

Черными.

Наверное, показалось.

– Давайте патроны, – скомандовал Леха. – У кого чего.

Пацаны зашевелились, доставая из карманов свое "оружие". Палки, обрезки труб, рогатки, самодельные луки из веток и бельевых веревок. Димка вытащил нож. Не настоящий, конечно, деревянный, вырезанный из доски, покрашенный серебрянкой. Похож на настоящий, если издали.

Леха подошел к нему, взял нож, повертел в руках.

– Хороший, – сказал он. – Дашь поиграть?

– В смысле? – Димка не понял. – Он же деревянный.

– Ну да, – Леха усмехнулся и вернул нож. – Деревянный. Конечно.

Но в голосе было что-то такое... Димка не понял, но по спине пробежал холодок.

– По коням! – заорал Леха. – Через пять минут начинаем. Фашисты, валите в свой штаб. Наши, со мной.

Фашисты, человек шесть, во главе с Тохой потопали к ржавым экскаваторам. Леха повел своих к пещере.

—

Пещера была неглубокая, метра три в глубину, с низким потолком. Когда-то здесь хранили взрывчатку, наверное. Стены черные от копоти, пол усыпан щебнем и окурками. Воняло мочой и сыростью.

– Располагайтесь, – Леха сел на большой камень. – Будем план разрабатывать.

– Какой план? – спросил Витька. – Подойти и навалить?

– Тупая ты башка, – Леха скривился. – Они будут защищаться. У них там экскаваторы, можно залезть внутрь, их оттуда хрен выкуришь. Надо хитростью.

– Какой хитростью? – спросил Димка.

Леха посмотрел на него долгим взглядом.

– А вот какой. Мы разделимся. Ты, – он ткнул в Димку, – и ты, – в Кольку, – пойдете с той стороны, где отвал. Будете отвлекать. Кидаться камнями, орать, чтоб они на вас смотрели. А мы с Витькой и остальными зайдем сзади, через экскаваторы. И всех перебьем.

– Перебьем? – переспросил Колька. – В смысле?

– В прямом, – Леха улыбнулся. – Война есть война. Пленных не брать, я же сказал.

Он достал из кармана что-то и положил на камень.

Нож.

Настоящий. С наборной рукояткой, с тускло блестящим лезвием, с кровостоком.

– Ты где взял? – выдохнул Витька.

– Неважно, – Леха убрал нож обратно. – Пригодится.

Димка смотрел на карман, куда исчез нож, и чувствовал, как внутри поднимается тревога.

– Лех, это же понарошку, – сказал он. – Игра же.

– Конечно, понарошку, – Леха усмехнулся. – Ты че, испугался?

– Не испугался, но...

– Никаких "но", – оборвал Леха. – Ты в моей команде или где? Если не хочешь воевать – вали в фашисты. Там место предателям.

Димка замолчал.

—

Через десять минут они начали.

Димка с Колькой пошли к отвалу – огромной куче пустой породы, заросшей бурьяном. Оттуда действительно хорошо просматривался лагерь фашистов. Экскаваторы стояли ржавыми скелетами, между ними мелькали фигурки Тохи и его команды.

– Кидай, – скомандовал Димка.

Они начали кидать камни. Не сильно, так, чтоб долететь, но не попасть. Камни стучали по ржавому металлу, отскакивали. Фашисты заорали, забегали, начали выглядывать.

– Ага, – довольно сказал Димка. – Отвлечлись.

И в этот момент с другой стороны, со стороны экскаваторов, раздался дикий крик.

Димка высунулся из-за отвала и увидел.

Леха с Витькой и остальными выскочили из-за экскаватора и налетели на фашистов. Они махали палками, орали, пихались. Обычная потасовка, как в школе на перемене.

Но что-то было не так.

Тоха упал.

И не вставал.

Из его головы текла кровь. Настоящая. Красная, густая, заливала лицо, капала на землю.

– Леха! – заорал Димка. – Хватит!

Он побежал вниз, к экскаваторам, спотыкаясь, падая, сдирая колени. Колька бежал следом, плакал на бегу.

Когда Димка добежал, Тоха лежал на спине и смотрел в небо. Глаза у него были открыты, но не моргали. Из дыры во лбу сочилась кровь и что-то еще, серое, похожее на кашу.

– Ты чего? – Димка схватил Леху за плечо. – Ты чего наделал?

Леха повернулся к нему.

В руке у него был нож. Настоящий. Тот самый. Лезвие было в крови, с кусочками чего-то.

– Я его убил, – сказал Леха спокойно. – Как врага. Он же фашист.

– Игра была! – заорал Димка. – Понарошку!

Леха посмотрел на нож, потом на Димку. Улыбнулся.

– А это не понарошку, – сказал он. – Это взаправду.

Он повернулся к остальным пацанам, которые стояли столбом и смотрели на труп Тохи.

– Война есть война, – сказал Леха. – Кто не с нами – тот против нас. Убивайте их всех.

И тут Димка увидел, как у Витьки в руках палка превращается во что-то другое. Палка была обычная, суковатая, но вдруг она стала гладкой, черной, с прикладом и стволом. Автомат. Настоящий автомат.

Витька смотрел на свои руки и не понимал, что происходит.

– Стреляй, – сказал Леха.

Витька поднял автомат и нажал на спуск.

Очередь прошла воздух. Настоящая, громкая, с искрами, с запахом пороха. Фашисты – те, что еще стояли – попадали на землю, закрывая головы руками.

Пули не задели никого.

– Не умеешь, – Леха покачал головой. – Дай сюда.

Он вырвал у Витьки автомат, прицелился в одного из лежащих фашистов – в Серегу, мелкого, который всегда ходил в соплях, – и выстрелил.

Серегу подбросило на земле. Грудная клетка разлетелась в клочья. Кровь брызнула во все стороны, окатив стоящих рядом.

Димка закричал.

Он кричал долго, пока не кончился воздух. А когда кончился, он услышал тишину. Тишину, в которой было слышно только, как капает кровь с экскаватора и как где-то далеко поет птица.

– Ну вот, – сказал Леха. – Теперь настоящая война началась. Все молодцы.

Он посмотрел на Димку.

– А ты чего стоишь? Бери оружие. Ты же наш.

– Я не буду, – прошептал Димка. – Я домой.

– Домой? – Леха удивился. – Сейчас? В разгар боя? Ты предатель, что ли?

– Я не предатель. Я просто не хочу убивать.

– Не хочешь убивать – значит, ты за них, – Леха кивнул в сторону трупов. – А кто за них – тот против нас. А кто против нас – того убивают.

Он поднял автомат и направил на Димку.

– Беги, – сказал он. – Даю фору. Десять секунд. Потом мы начинаем охоту.

Димка не побежал. Ноги не слушались.

– Раз...

– Леха, не надо, – Витька вдруг заговорил. Голос у него был испуганный. – Он же свой.

– Свой? – Леха обернулся к Витьке. – Ты тоже свой? Или тоже за них?

Витька посмотрел на автомат в руках, на трупы, на свои руки, которыми он только что держал оружие. И вдруг его лицо изменилось. Глаза стали пустыми, как у куклы.

– Я свой, – сказал он. – Я за наших.

– Молодец, – Леха похлопал его по плечу. – Тогда бери оружие и строй всех. Мы идем в атаку. А этот, – он кивнул на Димку, – пусть бежит. Посмотрим, далеко ли убежит.

Димка побежал.

Он бежал к тропинке, по которой спускался, к обрыву, к выходу из карьера. Ноги вязли в щебне, сердце колотилось где-то в горле, в ушах шумела кровь.

Сзади заорали.

– Ура! – орали пацаны. – За родину! За Леху! Убивай!

Димка обернулся на бегу и увидел.

Они бежали за ним. Все. И "наши", и "фашисты". Те, кто только что были врагами, теперь бежали вместе, с автоматами в руках, с ножами, с какими-то штыками. Глаза у них горели, рты были открыты в крике.

Впереди всех бежал Леха. Он смеялся.

Димка побежал быстрее.

Тропинка уходила вверх, в спасительный свет, где за кустами была дорога, где были дома, где были люди, где можно было спрятаться.

Он почти добежал.

Почти.

Нога подвернулась на скользком камне, и Димка полетел вниз, в карьер, кубарем покатился по щебню, обдирая спину, руки, лицо.

Он остановился у самого дна, ударившись головой о большой валун.

В глазах потемнело.

Когда зрение вернулось, он увидел над собой небо. Серое, вечернее. И лицо Лехи.

– Попался, предатель, – сказал Леха. – Теперь ты будешь наказан.

Он поднял нож.

Димка зажмурился.

Но удара не последовало.

– Нет, – сказал Леха. – Так неинтересно. Ты будешь смотреть. Будешь смотреть, как мы воюем. А потом, когда все кончится, мы решим, что с тобой делать.

– Что значит "все кончится"? – спросил Димка, не открывая глаз.

– Война кончится. Когда все враги будут мертвы. А потом начнется новая. Мы будем воевать вечно. Потому что мы солдаты. Мы родились солдатами.

Димка открыл глаза.

Вокруг стояли пацаны. Все, кого он знал. Витька, Серега, Михал, Колька, Тоха... Тоха тоже стоял. С дырой во лбу, из которой текла кровь и каша. Он стоял и смотрел на Димку пустыми глазами.

– Вы все... – прошептал Димка. – Вы же мертвые.

– Мертвые? – Леха засмеялся. – Мы живые. Мы настоящие. Просто теперь мы всегда такие. Мы воины. Мы будем драться вечно.

Он поднял руку.

– В атаку! – заорал он. – На тех, кто там!

Он показал вверх, на край карьера.

Димка посмотрел туда и увидел.

Там стояли люди. Много людей. Мужчины, женщины, дети. Они смотрели вниз, на карьер, и лица у них были белые от ужаса. Они пришли искать своих сыновей, которые не вернулись к ужину.

– В атаку! – заорал Леха еще раз.

И пацаны побежали вверх по склону.

С автоматами. С ножами. С голыми руками, которые превращались в когти. С глазами, которые горели черным огнем.

Димка смотрел, как они бегут, и не мог пошевелиться.

– Вставай, – сказал кто-то сзади.

Димка обернулся.

Рядом стоял Тоха. Мертвый Тоха, с разможенной головой.

– Вставай, – повторил он. – Ты тоже с нами. Ты же играл.

– Я не играл, – прошептал Димка. – Я не хотел.

– Хотел не хотел, – Тоха улыбнулся. Улыбка у него была кривая, потому что половина лица отсутствовала. – Теперь уже поздно. Игра началась. Игра не кончится, пока всех не убьют. А всех не убьют никогда.

Димка встал.

Ноги слушались плохо, но он встал.

Сверху донеслись крики. Настоящие, живые крики. Крики людей, которых убивали.

– Не ходи туда, – сказал он Тоха. – Не надо.

– Я уже там, – ответил Тоха и растворился в воздухе.

Димка остался один.

—

Часть 2. Бойня

Он поднялся наверх, когда все кончилось.

Карьер был залит кровью. Настоящей, липкой, еще теплой. Она стояла лужами в ямах, стекала по склону, пачкала камни и траву.

Везде лежали тела.

Димка шел и считал. Мужчины, женщины, старики, дети. Те, кто пришел искать своих. Те, кто оказался не в то время не в том месте.

Они лежали с перерезанными глотками, с разможенными головами, с выпотрошенными животами. Пацаны не просто убивали – они терзали. Они играли в войну по-настоящему.

В центре карьера, у костра, сидел Леха.

Он сидел на камне, как на троне, и смотрел на дело рук своих. Рядом стояли пацаны. Все, кроме Димки.

– А, предатель пришел, – сказал Леха, заметив Димку. – Смотри, что мы сделали. Красиво, правда?

– Вы убили их, – сказал Димка. Голос звучал глухо, как из бочки.

– Мы победили, – поправил Леха. – Это война. На войне убивают. Так всегда было.

– Это не война. Это дети. Они пришли за вами. Это ваши родители.

Леха посмотрел на тела. В одном из них Димка узнал свою мать. Она лежала лицом вниз, раскинув руки, и из спины у нее торчал нож. Деревянный нож, выкрашенный серебрянкой.

– О, – сказал Леха. – А вот и твоя. Пойди попрощайся.

Димка подошел к матери, перевернул ее.

Лицо у нее было спокойное. Она не кричала, когда умирала. Наверное, не успела.

– Мама, – сказал Димка. – Мамочка, прости.

– Чего ты извиняешься? – Леха подошел сзади. – Ты не убивал. Мы убили. Ты просто смотрел.

– Я тоже убивал, – вдруг сказал Димка.

Леха удивился.

– Когда?

– Сейчас.

Димка развернулся и ударил Леху ножом. Тем самым, деревянным, который Леха вернул ему утром.

Нож вошел в живот и провалился внутрь, как в масло. Из раны хлынула кровь. Черная, густая, вонючая.

Леха посмотрел на нож, на Димку, засмеялся.

– Дурак, – сказал он. – Я же давно мертвый. Я с самого начала мертвый. Ты не знал?

Он выдернул нож и бросил его на землю. Рана затянулась на глазах.

– Мы все мертвые, – продолжал Леха. – Кто играл в эту игру – тот уже не живой. Ты тоже. Ты думаешь, ты живой? А ты проверь.

Димка посмотрел на свои руки. Они были целые. Он пощупал лицо – теплое, живое.

– Я живой, – сказал он.

– Нет, – Леха покачал головой. – Ты такой же, как мы. Просто еще не знаешь. Посмотри в воду.

Рядом была лужа, большая, красная от крови. Димка подошел, наклонился.

В луже отражалось его лицо.

Лицо было нормальное. Живое.

Но глаза.

Глаза были черные. Совсем черные, без белков, без зрачков. Как у Лехи. Как у всех.

Димка закричал.

Он кричал долго, пока не охрип. А когда перестал, увидел, что вокруг стоят пацаны и смотрят на него.

– Привыкай, – сказал Леха. – Теперь ты наш. Будешь с нами воевать. Вечно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.